

Надежда ПТУШКИНА

СВИДАНИЕ С БОНАПАРТОМ

Драма в 3-х частях. (6 картин и Эпилог)

по мотивам одноименного романа БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

Внимание: любое (коммерческое, благотворительное, профессиональное, любительское) публичное исполнение пьесы возможно исключительно с **разрешения автора**. Для исполнения пьесы, будь то в России или за рубежом, необходимо получить разрешение заранее, обратившись **лично к автору** по адресу ptushkina@mail.ru.

Автор **не разрешает** вносить какие-либо изменения в текст, сокращать или менять местами сцены, менять имена или возраст героев, а также переименовывать пьесу.

Нарушение авторских прав преследуется по закону Российской Федерации и по нормам международного законодательства.

Надежда Птушкина готова безвозмездно разместить вашу информацию (в том числе рекламного характера), фотографии, видеоматериалы на своем сайте <http://ptushkina.com> о спектаклях (в любой точке мира), фильмах и радиопередачах по ее пьесам.

Действующие лица :

Опочинин Николай Петрович, генерал, владелец поместья "Липеньки".

Волкова Варвара Степановна, помещица, владелица деревни Губино.

Апполинария Тихоновна, дальняя родственница-приживалка Варвары, неопределенного возраста и неуловимой внешности.

Свечин.

Луиза Бигар.

Музыканты крепостного оркестра.

Часть первая.

Картина первая.

Действие происходит в Калужской губернии, в декабре 1803 года.
Варваре - 26 лет.
Опочинину - 46 лет.

Снег. Метель. Звон бубенцов.

Тьма рассеивается.

Дом Варвары Степановны. Большой зал с колоннами, из которого множество дверей в разные комнаты и лестница на антресоли.

Внизу - что-то вроде гостиной. Наверху - спальня Варвары, с иконами в углу. Но сейчас всё погружено в сумрак.

Опочинин, в генеральской форме и шубе, засыпанный снегом, отряхивается.

Перед ним Апполинария, маленькое хрупкое существо, сморщенное, в елизаветинском чепце, в ночной сорочке, на которую накинута телогрея, с тусклой свечечкой в руках.

АППОЛИНАРИЯ. (Трепещет и кланяется) Видение... Высоченный, бравый, словно Пётр Великий... Зачем зачастили являться нам?

ОПОЧИНИН. Помилуйте... я у вас, в Губино, только раз и был... на Рождество... после Швейцарского похода... два года назад.

АППОЛИНАРИЯ. Нет, нет, не два, не два... Варвара Степановна давеча возвращалась по зимней дороге из Москвы, задремала. И предстали вы пред ней видением в утешение. Вы пали в сражении, генерал?

ОПОЧИНИН. Был ранен... Вот - хромаю, а во всём прочем... вполне... жив.

АППОЛИНАРИЯ. (Радостно) Так вы - живой?

ОПОЧИНИН. Как видите!

АППОЛИНАРИЯ. И какой красавец! И по такому снегу, в метель, одни в ночь?

ОПОЧИНИН. Варвара Степановна дома?

АППОЛИНАРИЯ. Верхом! По такой метели!

ОПОЧИНИН. И не такое видывал! Варвара Степановна спят?

АППОЛИНАРИЯ. Хоть бы в возке, а то - верхом! В метель! Семнадцать вёрст! С больной-то ногой!

ОПОЧИНИН. Где Варвара Степановна? Барыня где?

АППОЛИНАРИЯ. Где же мне знать? Через тьму, через метель!

ОПОЧИНИН. Есть она в доме?

АППОЛИНАРИЯ. Она пребывает там, где считает нужным. Верхом! Батюшки!

ОПОЧИНИН. Могу я видеть Варвару Степановну? Где она? В Губино или в отъезде?

АППОЛИНАРИЯ. Может, в спальне, закрывшись, плачет, а, может, и в Москву уехала.

ОПОЧИНИН. Видите ли, Варвара Степановна нынче вечером неожиданно заехала к нам, в Липеньки... и тут же стремительно удалилась. А я слышу - бубенцы всё звенят и звенят. И всё на одном месте. Да что же это бубенцы-то не унимаются? Спрашиваю своего Кузьму: "Губинская барыня уехала?" Человек мне отвечает: "Давно уехала!" "А бубенцы-то звенят!" И человек мой подтверждает: "Звенят!" Я велю - проверь и доложи! Кузьма вышел и вернулся с бубенцами! На липке висели! Кто их такой повесил? Озорство какое!

АППОЛИНАРИЯ. Так вы жениться приехали?

ОПОЧИНИН. Какое, чёрт побери, жениться! Хочу о бубенцах спросить! Для чего бубенцы? Что? Почему?

АППОЛИНАРИЯ. Понятно, понятно... Извините, а всё-таки, вы жениться или как...?

ОПОЧИНИН. Да на ком жениться-то, сударыня, нет же никого?!

АППОЛИНАРИЯ. (Заговорщически) Вот сейчас сниму нагар со свечечки... (Подает ему свечу) А вы ходите и ищите!

ОПОЧИНИН. Да где же ей быть?... Варвара Степановна!

АППОЛИНАРИЯ. Ходите и ищите! Наш генерал - такой красавец!

ОПОЧИНИН. Варвара Степановна!

АППОЛИНАРИЯ. Как мило на вас смотреть. Неужели опять на войну?

ОПОЧИНИН. (Ходит и распахивает все двери) Варвара Степановна! Варвара Степановна!

АППОЛИНАРИЯ. (Со свечечкой семенит за ним) Ходите и ищите, ходите и ищите... Ах, ах, ах...

ОПОЧИНИН. Варвара Степановна!

АППОЛИНАРИЯ. (Дружелюбно и поощрительно) Два года назад, у нас на балу, она всё ходила за вами и разглядывала, словно дитя. Самое время вам сделать ей предложение.

ОПОЧИНИН. Какое предложение? Нет же её! Нет нигде! (Идёт к выходу)

АППОЛИНАРИЯ. (Хватает его за полу шубы) Стерлядь!

ОПОЧИНИН. Стерлядь?

АППОЛИНАРИЯ. Разварная. Оранжевая в сердцевине. Подобно китайскому яблочку. Лёгкий жирок под цвет мяса. Ни зелени, ни, того пуще, каких-либо там пряностей к ней! Варим двадцать минут на сильном огне! Куда, куда, генерал? Какой вы молодец! Ни морщинки, подковы гнёте...

ОПОЧИНИН. Домой, домой...

АППОЛИНАРИЯ. А стерлядь? А что хромаете, так ничего...

ОПОЧИНИН. У меня лихорадка.

АППОЛИНАРИЯ. Куда же вы, по метели? Неужели опять на войну? А с Варенькой вы были бы, ровно два голубка! Куда же? С вашей ногой-то? Верхом! Я хоть возок велю подать! (Звонит в колокольчик) Пусть наш Савва вас отвезёт!

ОПОЧИНИН. Не надо!

АППОЛИНАРИЯ. Что за челядь? Как ночь, все спать заваливаются! Савва! Савва!

ОПОЧИНИН. Не надо!

На антресоли с ярким большим канделябром в руках появляется Варвара Степановна. В белом платье, словно ангел. Волосы убраны в большой узел на древнегреческий манер.

ВАРВАРА. (Всплескивает руками, пронзительно, с отчаяньем) Нашёлся мой генерал! Нашёлся!!! (Стремительно сбегает по лестнице)

ОПОЧИНИН. (Сбрасывает на пол шубу) Как поживаете?

ВАРВАРА. (Подставляет ему лоб для поцелуя) Праздник, праздник! (Гладит его по лицу) Метель, метель у храброго генерала на бровях и ресницах!

АППОЛИНАРИЯ. Извините, генерал, так вы всё-таки, жениться приехали?

ВАРВАРА. Моя родственница, Апполиналия Тихоновна. Тётенька, нашёлся мой генерал! Дорожное видение в руку! Ступайте, ступайте, тётенька, это не к вам!

Апполиналия исчезает.

Варвара, не отводя от Опочинина пристального взгляда, за руку увлекает его наверх.

ОПОЧИНИН. Как поживаете?

ВАРВАРА. Вы, надеюсь, помните Рождественский бал, у нас здесь, в Губино, два года назад?

ОПОЧИНИН. Как не помнить? Я тогда ещё от войны отмыться не успел, почиститься как следует, привыкнуть сызнова к навощенным полам.

ВАРВАРА. (Перебивает) Вы были герой. Нарасхват среди уездных барышень. За государя, за Суворова и за вас пились все бокалы. Я тогда вас обидела, храбрый генерал, посмеялась над вашими

бегствами, кровью.

ОПОЧИНИН. Полно, Варвара Степановна, кто старое помянет...

ВАРВАРА. (Перебивает) Так ведь я дура была, генерал миленький, обыкновенная дура!

ОПОЧИНИН. (Смеётся) Ах, Варвара Степановна, Варвара Степановна!

ВАРВАРА. Вы помните предмет нашего спора?

ОПОЧИНИН. Немного.

ВАРВАРА. Я спросила вас, много ли было крови? А вы усмехнулись и сказали: "Много и крови, и пепла." А я так кокетливо повела плечами и говорю вам, боевому генералу: "Как же вам удалось смыть всё это?" А вы ответили: "Вернулся домой, велел истопить баню, наполнить большую кадку мыльной водой. Залез туда и вылез через три месяца. И всё смыл."

ОПОЧИНИН. Не стоит, Варвара Степановна, говорить о вздоре двухлетней давности!

ВАРВАРА. Какая же я дрянь-то была!

ОПОЧИНИН. Вздор, вздор, Варвара Степановна! Это вы по молодой глупости да по моде утверждали, что мы трусы, что Суворов, мол, тем и хорош, что от французов бегаёт быстро, что от страха он и Альпы перевалил... (Снисходительно) Я тогда думал; неужели эта юная дама в платье голубого атласа с отделкой из вишневого бархата, оказалась гвардейцем в юбке? Я погорячился тогда, сбегал с бала. Ещё не остыл от перехода через Альпы. И мог думать только про гениальность генералиссимуса, про славу оружия, про честь отечества... (Серьёзно) Но слов ваших не забыл...

ВАРВАРА. Так вы камень за пазухой не держите?

ОПОЧИНИН. Вздор! Тогда все были в экстазе. Суворова носили на руках. (Смеётся) А вы эдак пожали плечиком: "А что произошло? Суворов от французов бежал, терял войско, топтал чужие огороды, лазал по горам - и его провозгласили гением."

ВАРВАРА. Дура! Дура! Как несправедливо!

ОПОЧИНИН. А я часто вспоминал потом эти ваши слова: "Старик водил вас по чужим виноградникам, а вы почитаете это за патриотизм, за честь отечества." Мой героический нимб в моих же глазах потускнел и растаял. Ай да Варвара Степановна!

ВАРВАРА. Скажите, что я дура была... Дрянь! Что вы презираете меня! Скажите и... простите.

ОПОЧИНИН. (Смеётся) Ну, Варвара Степановна! Как можно презирать такую видную молодую даму? Это, знаете ли, большая редкость и не только в наших краях. Я вот что думаю - платье на вас по последней парижской моде. В наших-то калужских лесах!

Позвольте ручку! Надеюсь на ваше благоволение!

ВАРВАРА. (Долго в упор смотрит на него) Да куда вы в мундире, всё пустое. Зачем приехали?

ОПОЧИНИН. (Стушевался) Я? Я... хотел... о бубенцах спросить.

ВАРВАРА. О каких бубенцах? Не понимаю ничего!

ОПОЧИНИН. Я хотел спросить, зачем вы бубенчики на ветках развесили?

ВАРВАРА. Я? (Смеётся)

ОПОЧИНИН. Почему вам понадобилось эдаким странным способом возобновить наше прерванное знакомство?

ВАРВАРА. Так вы приехали спросить про бубенцы?

ОПОЧИНИН. К чему... бубенцы, Варвара Степановна? Какой в них смысл?

ВАРВАРА. Так вы, храбрый генерал, из-за бубенцов... сквозь метель... ко мне? Другие не решаются, а вы прискакали по метели...

ОПОЧИНИН. Да вы уж знаете, зачем я приехал.

ВАРВАРА. Это всё ваши фантазии, генерал!

ОПОЧИНИН. (Прислушивается) Метель-то всё пуще! Как разгулялась чертовка!

Варвара резко разворачивается и уходит.

ОПОЧИНИН. Варвара Степановна! Где же вы?

АППОЛИНАРИЯ. (Тихонько появляется, не говорит, а шелестит) Зачем вы приехали?

ОПОЧИНИН. Да где же Варвара Степановна?

АППОЛИНАРИЯ. (Заговорщически) С детства живёт по своей воле. Родители перед ней преклонялись, никли. Так, в восхищении и скончались.

ОПОЧИНИН. (Говорит себе, словно забыл о присутствии Апполинаруи) Чужие огороды, чужие виноградники... По всей Швейцарии с горки на горку, из пропасти в пропасть. У меня ещё там мелькнула мысль в приступе отчаянья; а зачем мы собственно в Швейцарии? Зачем?

АППОЛИНАРИЯ. Это верно – барышня она образованная и во мнениях своих весьма самостоятельная. И замуж выходила! А через полгода мужа прогнала! А он возьми и умри! (Вздыхает и крестится) От обжорства. Так вы жениться приехали? (Исчезает)

ОПОЧИНИН. Варвара Степановна!.. Есть тут кто-нибудь?

Сумасбродка! Эта холодная дама из Губинского леса, да на что она мне? Да что мне эта манерная дама в античном одеянии? Какое мне дело до этой капризной барыни, с её синими немигающими глазищами? Только и есть, что выпученные глаза! Слава богу, скоро в полк! Тут и ополоуметь недолго! (Спускается, надевает шубу) Бежать, бежать из этого дома!

АППОЛИНАРИЯ. (Тут же возникает) Куда, генерал?

ОПОЧИНИН. Домой поскачу. Скоро в полк!

АППОЛИНАРИЯ. Как – в полк? А стерлядь? Я уж повара разбудила! Уж готовит стерлядь! Вот-вот подаст! Как можно уехать? Горячая стерлядь! Пахнет рекой!

ОПОЧИНИН. Какая стерлядь? Оставьте!

АППОЛИНАРИЯ. Зачем же вы и приезжали тогда, генерал? Про бубенцы спросить? Так и спросили бы, как следует!

ОПОЧИНИН. Да мне и дела нет до этих бубенцов!

ВАРВАРА. (Сверху) Вы торопитесь, мой храбрый генерал? Почему убегаете? Сядьте, мой генерал! И давайте всё обсудим!

ОПОЧИНИН. Что же нам обсуждать?

ВАРВАРА. Ступайте, ступайте, тётенька!

Апполинурия тут же исчезает.

ВАРВАРА. И разве вы приехали узнать, зачем бубенчики на ветке звенели? Вы меня любите.

ОПОЧИНИН. Кто?

Варвара смотрит на него долгим взглядом, поворачивается и уходит.

ОПОЧИНИН. Варвара Степановна! (Ходит, оглядывается) Варвара Степановна! (Подумав, усаживается в кресло)

АППОЛИНАРИЯ (Незаметно подходит к нему сзади) Спасите её, спасите! Она ведь совсем одна. Самое время сделать ей предложение.

ОПОЧИНИН. Какое предложение? Я ничего в толк не возьму. Она всё исчезает куда-то. Я жду. Ничего не знаю. Мне скоро в полк.

ВАРВАРА. (Появляется, кутаясь в золотистую шаль, Апполинаруи) Кто вас звал, тётяшка? Ступайте, ступайте! (Садится против Опочинина и долго пристально разглядывает его)

ОПОЧИНИН. (Не выдержав странного молчания и разглядывания) Что-то произошло. Всё так сложно.

ВАРВАРА. Я должна сообщить вам важное. Я сейчас тут долго думала под вой метели. Таких как вы, здесь больше нету. Вы – единственный. Вот человек, которому ничего не стоит и по Европе прошагать, сея огонь и смерть, и женщину обворожить.

ОПОЧИНИН. (Задумчиво) Сея огонь и смерть, сея огонь и смерть...

ВАРВАРА. Я поняла, и нельзя не понять – вы влюблены в меня. Вы мне нравитесь. Я совсем измучилась одна. Вы мне подходите. Мы могли бы превосходно устроиться с вами. Я выбираю вас в кумиры. Прочный чистый союз до конца. Союз двух умных, благородных, высоконравственных людей. Не правда ли? Ведь вы меня любите!

ОПОЧИНИН. Бубенчики... Я догадался. Не скрою, этот знак был мне приятен. Вот я и прискакал.

ВАРВАРА. Вы меня любите.

ОПОЧИНИН. Я обожаю вас.

ВАРВАРА. Мой храбрый генерал! Прискакали... И вот, получив меня, вы наденете мундир и отправитесь размахивать саблей, пить жженку, пускать кровь себе и другим! А я, мой милый генерал, не из тех, кого возбуждают военные оркестры, звуки флейт и барабанов. Я не маркитанка какая-нибудь! У меня должно быть много детей! Но стоит ли иметь много детей, если сыновья рождаются в киверах и лосинах, а дочери с личиками вдов?

ОПОЧИНИН. Каких детей?

Пауза.

ОПОЧИНИН. (Задыхаясь) Прихоть судьбы, чьей-то властью, там ещё не знаю, вы предназначены мне... Я люблю вас. Я выйду в отставку. Я вдоволь пострелял на своём веку... и... вдоволь поблаженствовал под победные трубы... и... вдоволь позадыхался, спасаясь бегством от преследователей... и... наплакался при виде хладных тел вчера ещё живых... и вдоволь истоптал чужих земель... Этот мундир на мне холоден как железо. Шейный платок душит. Мои седины ничтожны перед вами. Я буду носить вас на руках, как царицу! Союз, который вы предложили, кажется мне недостижимым блаженством. Вы же видите... Всё для вас... Вы же видите... (Встаёт и, как подкошенный, словно теряя сознание,

падает перед ней на колени) Вы же видите...

ВАРВАРА. Нет, нет, погодите... Сядьте! Я не сказала главное. Одинокой дуре в двадцать шесть лет пора бы одуматься, устроить, как это говорят, своё счастье. Почему же я так всё запутываю? Довела себя до того, что пальцы дрожат... Взгляните!

(Протягивает ему руки) Вот видите? Сейчас не очень, а бывает что-то ужасное. Я стараюсь быть предельно откровенной, чтобы вам потом не пришлось корить себя... меня... или весь мир... в позднем отчаянье.

ОПОЧИНИН. Наш союз нерукотворен, внушен свыше, от бога. И мы бессильны что-нибудь изменить. От бога этот союз.

Варвара вскакивает и убегает к себе в спальню. Встаёт на колени перед иконой и беззвучно шевеля губами, молится.

Опочинин, покачиваясь, словно пьяный, идёт за ней и бубнит: "Сея огонь и смерть, сея огонь и смерть...". Останавливается на пороге спальни.

ОПОЧИНИН. Вот хожу за вами по пятам.

ВАРВАРА. Видимо, это профессиональное. Привычка преследовать. А мне кажется, что это я хожу за вами.

ОПОЧИНИН. Вам эта участь не грозит. Отступить предназначено мне... Варвара Степановна! Союз наш будет крепок и сердечен. И никакие силы... О, Варвара Степановна, мы так нужны друг другу! (Срывает с себя эполеты) Вот - эполеты! К вашим ногам! Я люблю вас, я люблю вас!

Варвара, кутаясь в свою золотистую, скользкую шаль, бежит из спальни мимо Опочинина, но он перехватывает, падает к её ногам, обнимает колени, целует подол платья.

ОПОЧИНИН. (Словно в бреду) Люблю, люблю... Ваш голос как сладкий яд... Одно прикосновение к вам воскрешает меня...

ВАРВАРА. (Слабо отталкивает его) Подождите, подождите, у меня кружится голова.

ОПОЧИНИН. Ваши синие глаза в пол-лица... Ваш взгляд, от которого не укрыться... влево отклонись - видят, вправо - то же... Два синих холодноватых светильника... Неприступные глаза! Какая в вас сила, какая вольность! В этой шали вы словно под золотой чешуей...

ВАРВАРА. (Освобождается от шали, и та падает им в ноги) Да подождите же... (Смеётся) Я взлетаю к потолку... Я взлетаю...

Генерал, миленький, я взлетаю к потолку от ваших слов...

ОПОЧИНИН. (Плачет) Русалка, русалка и только... О, как сияет пламя свечей вокруг вас! Хотел бежать, но разве убежишь от того, что в душе, что сжигает? О, Варвара, природа создавала тебя, задыхаясь от вдохновения! Какую загадочную своенравную душу вложил в тебя Господь!

ВАРВАРА. Молодая богатая дурочка с большими глазами и маленьким опытом, да?

ОПОЧИНИН. Люблю, люблю, обожаю вас!

ВАРВАРА. Да подождите... Я плыву мимо тёмных окон, мимо свечей,

книг, портретов предков...

ОПОЧИНИН. И больше ни слова, больше не фантазируйте ничего...

Пусть будет так... Я больше ничего в жизни не хочу, пусть будет так...

ВАРВАРА. А, всё равно, всё равно... (Расстёгивает на Опочинине мундир) Я же не деревянная какая-нибудь... Мы ведь живые люди...

Я сама, сама, миленький генерал... Живые, горячие... Долой,

долой, победоносный мундир! (Отбрасывает его мундир в сторону)

Вы любите меня... (Гладит его плечи, грудь) Какое богатство...

(Целует его в лоб, в губы) Не закрывайте глаз, прошу вас...

смотрите на меня... В вашем поведении нет ничего дурного... Вы

поступаете, как должны поступить... Смотрите же на меня! Как

хорошо... как хорошо... Вы – самое истинное, подлинное из того,

на что не поспешила моя судьба... Цены вы себе не знаете!..

ОПОЧИНИН. (Задыхаясь) Сбылись пророчества моей души! Я тогда сразу догадался. Чьих это рук дело – бубенчики на липке... Но не мог определить, для чего знак. Что за злые шутки... И не стало мне покоя... Понял, что сторю, сторю – и всё тут... Ехать, ехать, скакать по метели, бросить поводья, вбежать... Лишь бы вас увидеть!

ВАРВАРА. Спаси меня, спаси, ты же храбрый и добрый!

ОПОЧИНИН. Царица! Царица!

Тихонечко вскальзывает Апполинурия Тихоновна, отворачиваясь от них и закрывая лицо ладошкой, словно бы не видит их, но кивает беспрестанно в их сторону дружески и поощрительно. Лихорадочно начинает снимать щипчиками нагар со свечей.

ВАРВАРА. (Ей, нелюбезно) Что вы делаете?

АППОЛИНАРИЯ. Сейчас, сейчас, вот сниму нагар со свечей...

ВАРВАРА. (Грозно) Какой нагар? Почему это?

АППОЛИНАРИЯ. Да, да, сейчас выхожу... Наш генерал такой красавец! Вышагивает, ровно Пётр Великий, половицы скрипят, скрипят, скрипят на весь дом...

ВАРВАРА. Ступайте, ступайте... Кто вас звал?

АППОЛИНАРИЯ. Как мило на вас смотреть... Неужели генерал опять на войну?

ВАРВАРА. Ступайте же! Николай Петрович у меня по делу.

АППОЛИНАРИЯ. Такой молодой, видный... (Исчезает)

ВАРВАРА. Как прекрасно, что вы не выглядите победителем! Мне хочется взять вас на руки и успокоить.

ОПОЧИНИН. Я люблю вас.

ВАРВАРА. (Высвобождается из его объятий) Всё что я говорила о нашем союзе, я говорила всерьёз. Но... (Засмеялась невесело)

есть один человек на свете, более, чем вы, одинокий...

ОПОЧИНИН. (Очень оскорблён) Вы вольны в своих приверженностях! Но стоило ли... развешивать бубенчики по веткам? (В нижнем белье вытягивается во фронт перед ней и по-армейски отчеканивает) И вообще мне скоро в полк. Мой полк готовится к походу! Я люблю барабан, дождь на биваке, запах солдатского стада, водку с моченым горохом и ужас на лице врага! (Хочет поднять мундир, но Варвара наступила на него ногой.)

ВАРВАРА. Сядьте! Я не договорила!

Варвара идёт вниз и садится. Опочинин, идёт за ней, на ходу натягивая мундир и остаётся стоять.

ОПОЧИНИН. Я повержен, как ни разу в жизни. Вы торжествуете! Вы смеётесь надо мной.

ВАРВАРА. Не стискивайте же так губы! Выслушайте меня!

Опочинин садится.

ВАРВАРА. Он... Он... Он? Он - бывший Парижский студент. На Родине всё не привыкнет. В Москве, словно иностранец. Вид у него всегда унылый и раздраженный. Фантазии его вовсе не Российские. Мой герой участвовал в штурме Бастилии. Был очевидцем казни Людовика. И вообразил, что наступил рай. Хорош рай в обнимку с гильотиной. Сомнений у него нет. Идея всеобщего равенства овладела им! Но при чём же тут Россия? Разве можем мы быть равными?! Монтескье сказал, Дидерот сказал... Вольтер, Руссо... А ежели разбудят Пугача? Ведь совсем недавно орды хмельных каторжников торопились в столицу лить господскую кровь! Мою тётку, красивую юную Прасковью, Пугач велел вздёрнуть, а потом саблей по тонкой шейке! И кровь голубая у неё текла! Они даже перепугались, убийцы! Если когда-нибудь, потом наступит эта проклятая пора, это его равенство... всё равно холопы останутся холопами, хоть в бархат и атлас их оберни, тавро не соскрести! Господи милосердный, сколько же их! Тех, что потрясают кулаками, будто впервые удивились нашему глухому варварству! Сами же будут висеть на фонарях! И неужели эта зараза распространится?! (Долгая пауза) Я уже два года, с того Рождественского бала хотела всё это сказать именно вам.

ОПОЧИНИН. (Снова встаёт, очень сухо) Ваши долгие откровения могли бы быть и покороче и повразумительнее.

ВАРВАРА. Да сядьте же! Я ещё не договорила.

ОПОЧИНИН. Свечи догорели. Зачем я здесь сижу? Зачем торопил коня сквозь ночную метель? Зачем мне какие-то союзы, даже из ваших царственных рук? Насильно мил не будешь... Но жестокость зачем? Ежели не озорство, так что же это такое? Неужели я для вас совсем ничего не значу?

ВАРВАРА. Я думала не столько о себе, сколько о вас. Наш союз с вами - не фантазия. Тем более, мой герой отвергает моё внимание... Я раскидывала сети, но они остались пусты. В его глазах я - заурядная девица, тешащая себя иллюзиями. Всё, что с ним... (Вздыхает) - лишнее. Во мне слишком много здравого смысла, чтобы основать свою жизнь на ночных фантазиях... Видимо, я ошиблась, полагая, что моя откровенность не сможет причинить вам боли. Не рассчитала. Вообразите, мы жили бы с вами наверное не хуже многих. И вы, быть может, никогда не узнали бы, что я кого-то там люблю. Но это не в моих правилах. Я рассказала вам всё, надеясь, что это нам помешать не должно... что мы просто забудем об этом. Тем более, что никаких реальных сигналов от него последовать не может. Он - мираж, вздор, недолгая болезнь... Я хотела, чтоб совесть моя перед вами была чиста.

ОПОЧИНИН. (Стараясь держаться отстранённо) Утешьтесь! Вы ещё встретите в вашей долгой жизни множество чудовищ почище вашего. Не тратьте себя понапрасну.

ВАРВАРА. (Со вздохом) Но он нуждается во мне.

ОПОЧИНИН. (Бодро) Пустое это всё, Варвара Степановна, пустое! Он не любит вас!

ВАРВАРА. Не любит. В том-то и штука!

ОПОЧИНИН. Так отвергните его притязания! Тем более, что не любит! (Говорит наставительно) Гоните его прочь! Не унижайтесь!

ВАРВАРА. (Внимательно и долго глядит на Опочинина) Вы- сильный человек. Я устала от этих бурь.

Опочинин ничего не отвечает, встаёт с колен, оправляет мундир... Варвара внезапно уходит наверх.

ВАРВАРА. (С антресоли) Но я его люблю.

ОПОЧИНИН. (Замирает, не сразу, сорвавшимся голосом) Вы оставляете мне надежду?

ВАРВАРА. (Очень холодно и сухо) Разумеется, друг мой! (Ещё ждёт от него чего-то, потом порывисто протягивает ему сверху руки) Да, да! (Говорит, словно запыхавшись, с надеждой и ожиданием) Я только хотела, чтоб вы знали обо всём, чтоб у вас не было...

ОПОЧИНИН. (Перебивает её очень сдержанно) Уже за полночь... (Решительно подводит итог) Я всегда готов подставить вам своё плечо.

ВАРВАРА. (Грустно и немного язвительно смеётся) Это трогательно, мой храбрый генерал! Но, боюсь, сквозь суровость мундира не ощутить живого тела... (Прислушивается и словно бы забывает об Опочинине) Вроде, бубенцы звенят?

ОПОЧИНИН. Опять фантазии?

ВАРВАРА. Погодите, генерал! Узнаю, в чём дело. Ждите меня тут. (Сбегает по лестнице) Тётенька, тётенька! (Открывает все двери и заглядывает) Тётенька, где же вы, чёрт бы вас побрал!

Апполинаруя пытается незаметно проскользнуть у неё за спиной, но Варвара видит её и заступает ей дорогу.

ВАРВАРА. Это от чего же вы прячетесь, тётенька?

АППОЛИНАРИЯ. Ухожу, ухожу, не буду мешать.

ВАРВАРА. (Грозно) Погодите! (Вкрадчиво) А отчего это бубенцы звенели?

АППОЛИНАРИЯ. Какие бубенцы?

ВАРВАРА. Кто ещё к нам среди ночи?

АППОЛИНАРИЯ. Да кто же и придет среди ночи? Только генерал! Такой молодец!

ВАРВАРА. А что вы прячете?

АППОЛИНАРИЯ. Ничего не прячу!

ВАРВАРА. Покажите-ка мне руки, тётенька!

АППОЛИНАРИЯ. Что ж руки - вот... (Показывает одну руку) А генерал какой красавец! Сделал он вам предложение?

ВАРВАРА. А другую руку, тётенька!

АППОЛИНАРИЯ. Какую другую?

ВАРВАРА. Да что это с вами нынче? У вас же две руки, слава богу!

АППОЛИНАРИЯ. А там щипцы!

ВАРВАРА. (Пытается обойти её) Какие такие щипцы?

АППОЛИНАРИЯ. (Пятится) Снимаю нагар...

ВАРВАРА. Какой ещё нагар? Притворщица! Вы не играйте со мной наивность! Не корчите выжившую из ума дурочку! Я- то уж вас знаю! (Быстро обегает её и выхватывает из её рук письмо) А это что? Курьер приезжал? Почему не отдаёте?

АППОЛИНАРИЯ. Такой мятый неказистый конверт...

ВАРВАРА. (Рассматривает конверт) Верх изящества! Заветный московский конверт! От моего господина! Что там? Призыв? Мольба? Холодная просьба? Полупризнание? Полуприглашение?

АППОЛИНАРИЯ. Наверху генерал-то один...

ВАРВАРА. Вот и подите к нему, тётенька! (Разрывает конверт и достаёт короткое письмо, бегло, но жадно читает) Ворота распахнулись!!! Буди Савву! Пусть запрягает тройку! Нет, четверню! Если домчит меня до Москвы через все губернии словно на крыльях, обещаю ему вольную!

АППОЛИНАРИЯ. Куда же в метель-то? Повремени с отъездом, пока путь не ляжет.

Но Варвара уже тащит какой-то баул и что-то пихает туда спешно.

ВАРВАРА. Откладывать нельзя! Пасьянс истории коварен! Как просто всё свершилось! Неужто крепость пала? Я не покорила главных сил, а она уже пала? Я не покорила сама себя, а она уже пала?

АППОЛИНАРИЯ. А они-то как же, они? Генерал-то как же? Что они увидят, спустимшись? Горе какое! О чём они подумают? Да ведь нас засмеют! Этот, московский твой, сделал вот так (показывает пальцами движение, словно манит), и всё переверотилось.

Но Варвара уже набрасывает на себя салоп.

ВАРВАРА. (Не слушая Апполинару) Савва! Савва!

АППОЛИНАРИЯ. (Бросается ей в ноги, кричит) Вы рехнулись! Он вас бросит и ни о чём не спросит! Вы напрасно пренебрегаете любовью генерала, сударыня! Вы просто не в себе! Ваша хваленая благоразумность вам отказала! Повремените! Он же отвергнет вас с позором! А генерал? Что будет с генералом? Он же уйдёт на войну и погибнет! Он любит тебя!

ВАРВАРА. Генерал не предложил мне своего спасительного супружества, тётенька!

АППОЛИНАРИЯ. Но...

ВАРВАРА. (Перебивает) Можно было бы просто сказать главное. И на том порешить! Но поздно! Главная крепость повержена! И её уцелевший гарнизон с барабанным боем, с развернутыми знаменами выходит из ворот, чтобы сдать мне на милость! Буди Савву! Буди горничную! В Москву, в Москву! Всем вольную!

АППОЛИНАРИЯ. Царицей тебя называл...

ВАРВАРА. Ни слова больше! Он стоял на коленях, целовал подол моего платья и, кажется, плакал... Это круглое страдающее лицо, влажное от слёз... Когда-нибудь моё сердце разорвётся от этого воспоминания! Разве вольны мы перед загадками жизни? Буди Савву! В Москву! К моему герою! К моей судьбе, тётенька!

Картина вторая.

Прошло чуть более полугода.

Губино. Дом Варвары. Кабинет. Свечин, запахнувшись в старенький

вишнёвый халат, сидит в кресле, словно стиснутый книжными полками. На коленях – толстая огромная книга. Окно завешено шторами. Сумеречно. И непонятно, какое время года и какой час дня.

Слышен голос Варвары: "Искупайте коня! Он весь в пене! Не удержалась и поскакала через лес!"

Стремительно врывается Варвара с охапкой сирени. Свечин не подымает головы. Варвара останавливается перед ним, глядит, потом смеётся. Свечин продолжает "не замечать" её. Читает. Варвара кладёт сирень на книгу. Свечин, не глядя на неё, отодвигает цветы в сторону. Варвара быстро целует Свечина в щёку.

ВАРВАРА. Ну, полно... Мир! Мир!

Свечин подымает голову от книги и глядит на неё.

ВАРВАРА. Ах, какая нынче весна! Какое восхитительное мягкое майское утро! Нынче жду невиданного урожая гречихи! Даже люди мои дивятся, как гречиха взошла! (Подымает шторы, распахивает окно)

Сразу кабинет заливают ясным светом.

СВЕЧИН. (Иронически) Помещичьи заботы. Лесная жизнь. Все полгода после нашей свадьбы вы занимаетесь деревенскими трудами, не покладая рук! Да... (Горько смеётся)

Вот, живу в деревне... Странно...

ВАРВАРА. Ну да, Забыла! Вам не до гречихи! Вас же всё беспокоят Бонапартовы вожеления?

СВЕЧИН. (Сухо) Да, я очень увлечён. Впрочем, всё гораздо сложнее. Мне интересно. Если я докажу, что у них у всех одна природа, стало быть, в скором времени можно будет ждать Наполеона к нам. Впрочем, вам гречиха интереснее...

Варвара задумчиво прохаживается по кабинету, трогает корешки книг и вдруг натывается на золотистую шаль, берёт её, рассматривает, смеётся, накидывает на плечи.

ВАРВАРА. (Обнимает Свечина) Я люблю вас.

Свечин принимает её к себе на колени.

ВАРВАРА. (Раскидывает над ним и собой золотистую шаль, словно пряча себя и его от мира) Лаванда... И когда я встретила вас впервые, от вас тоже пахло лавандой. (Целует его) А вы вспомнили, как мы с вами в марте целовались? У Чистых прудов? Звучит мелодия.

Книга падает с колен Свечина. Свечин обнимает Варвару.

ВАРВАРА. (Страстно) Помните... как целовались... У Чистых прудов?

СВЕЧИН. (Старается сохранить спокойствие) Тогда все целовались.

ВАРВАРА. Безумство, безумство... Ароматы, звуки, радостные улыбки, стенания, празднество... Всё теперь, словно в синей

дымке... Безумие заразительно. Я тоже попала в этот круговорот. Переходила из рук в руки, постепенно теряя присущее мне чувство брезгливости... сливалась со стонущими толпами, хотя машинально ещё укрывала губы. И вдруг передо мной возник молодой господин... Видимо, судьба распорядилась. Он показался мне менее безумным, чем все вокруг. Уж, если меня обнимают все, кому не лень, даже пропахшие водкой и дёгтем чудовища, пусть и он меня целует! Что стыдиться? Мои руки сами обхватили его шею (Страстно обнимая Свечина), и я одурела от запаха лаванды... Все суетились, бегали взапуски, пили шампанское... Все целовались. СВЕЧИН. Сколько помню, и вы ничем не отличались от мало-мальски нормальной московской барышни.

ВАРВАРА. ... А потом мы разошлись, даже не поклонившись друг другу.... (Задумывается, удивляется сама себе) Десять лет, десять лет пролетело, мой друг, с нашей первой встречи... Ещё в тот год все восхищались Суворовым... (Смеётся) Постоянные восторги окружающих побуждали меня к бунту... (Задумалась) Я тогда обидела генерала Опочинина, сказала, что он шагал по Европе, сея огонь и смерть...

СВЕЧИН. И были правы! Что такое победы Суворова пред гением Наполеона? Однако, вы говорите об этом часто. Вы придаёте слишком большое значение тому пустому разговору...

ВАРВАРА. Ах, что мне здесь в деревне все Бонапартовы новшества? И даже преимущества свободы над рабством? И различие между республикой и тиранией?

СВЕЧИН. Конечно, обида, нанесённая генералу, куда важнее для вас. Бедный генерал!

ВАРВАРА. Храбрый и гордый генерал!...

ПАУЗА.

ВАРВАРА. Боже мой... Подумать только, лишили жизни императора Павла, все веселились и ликовали... Громко хохотали, истерически поздравляли друг друга с падением тиранства... Десять лет... от той нашей встречи до нашей свадьбы.

СВЕЧИН. (Холодно) Тиранство никому не мило.

ВАРВАРА. Признаю. Даже такое болезненное и жалкое... И всё это время я шла к вам по ниточке, вручённой мне провидением...

СВЕЧИН. (Иронически) Вы упорно принимаете ту нашу случайную встречу за знамение! Где ваша природная расчётливость? Ваш здравый смысл?

ВАРВАРА. Неужели вы не помните наш поцелуй?

СВЕЧИН. Вы до сих пор придаёте этому значение?

Свечин спускает её со своих колен и встаёт. Варвара комкает и отбрасывает шаль.

Апполинария входит, одета в пёстрое светленькое платьице, в руках венки из жёлтых цветов.

АППОЛИНАРИЯ. Доброе утро! (Надевает на Варвару венок) Царица! Царица! Какое утро! Восхитительное утро! Восхитительная нынче

весна! Идёмте пить чай! Самовар давно на столе!

СВЕЧИН. (Глядя на венок) Жёлтые цветы, кажется, к разлуке?

ВАРВАРА. (Насмешливо) Вы придаёте этому значение?

АППОЛИНАРИЯ. Пантелей набрал грибов, сморчков. На скотном дворе, в навозе. Будем в обед кушать.

ВАРВАРА. Надо Пантелея женить на Матрёне.

АППОЛИНАРИЯ. Милость, милость! Матрёна – баба сильная, послушная. И ничего, что у неё глаз один. Пусть будет благодарен! А что кривая – ничего! Руки-то целёхеньки!

СВЕЧИН. Вы правда собираетесь Пантелея на Матрёне женить?

ВАРВАРА. Истинная правда. Вы снова готовы со мной поссориться? Нынче из-за Матрёны? Ну, не буду женить на ней Пантелея! Пусть в девках засохнет! Как вам угодно!

СВЕЧИН. Она его любит?

ВАРВАРА. Ах, Александр Андреевич, ну кто Пантелея полюбит? Кто за него пойдёт? Уж очень он неказист! Да и дурень!

СВЕЧИН. Тогда как вы можете?

ВАРВАРА. Да что же ему теперь бобылём помирать?

СВЕЧИН. Уж лучше бобылём, чем кривая Матрёна! Какое варварство! Апполинария тихонько выскальзывает.

ВАРВАРА. (Пожимает плечами) Вам не втолкуешь! Идёмте лучше чай пить!

СВЕЧИН. Здесь всё по раз и навсегда установленному порядку.

Варварство и рядом чай за громадным овальным столом с самоваром, с ватрушками, с пшеничными хлебцами и коровьим маслом... Всё это бессмысленно укорачивает нашу жизнь!

ВАРВАРА. Это наши с вами ссоры бессмысленно укорачивают нашу жизнь. Вот из-за чего, из-за чего вышел вчера между нами такой скандал? Я не понимаю... Из-за чего? Снова молчите?... Вам скучно здесь?

СВЕЧИН. (Пренебрежительно) Нет, отчего же?

ВАРВАРА. После нашей свадьбы вы всегда молчаливы и сонны. Или раздражительны...

СВЕЧИН. (С тоской) Вы – моя супруга. Я ваш.

ВАРВАРА. Всегда отталкиваете меня холодом и раздражением. Я нашла вас не для того...

СВЕЧИН. Почему вы выбрали меня? А не генерала, к примеру?

ВАРВАРА. Я не выбирала. Вас назначила мне судьба. (Подумав) Ежели я не ошибаюсь... Вам скучно в деревне?

СВЕЧИН. (С неудовольствием) Мне с вами всюду интересно.

ВАРВАРА. Хотите, продадим Губино!

СВЕЧИН. Вместе с людьми?

ВАРВАРА. Конечно, с людьми и скарбом! И поселимся в Москве.

Будем наслаждаться любовью и миром. Что вы опять морщитесь?

СВЕЧИН. Разве можно людьми торговать? Это ужасно! Это – дикость наша, позор наш!

ВАРВАРА. Я дала Савве вольную. Тому кучеру, что меня к вам в Москву домчал. И что? Он никуда из Губина не уехал, сидит в своей избе и целыми днями пьёт. А какой работник был! (Заметно горячится) Прежде, чем прославлять свободу, надо, по крайней мере, представлять себе, что это такое.

СВЕЧИН. (Так же заметно, что теряет самообладание) Я ведь

спросил Матрёну, отчего у тебя глаз-то кривой? Пошалила в детстве? А она говорит: "Это, сударь миленький, барин наш изволил собственной ручкой выколоть". У меня челюсть отвисла. Я порасспрашивал про вашего деда. Крутенок был. Ничего не разбирал, когда безумствовал, дворян, благородный ли, – как что не по нему, тотчас по башке, пардон, или в пруду топить с камнем на шее... А отец ваш это унаследовал?

ВАРВАРА. Батюшка мой был кроток. Это ведь всё через поколение передаётся.

СВЕЧИН. Варварство!

ВАРВАРА. А мы и есть варвары! И в этом наше спасение!

За окном слышен неприятный визгливый нудящий голос;" Матушка-барыня, смилуйся! Прости, кормилица! Матушка-барыня! Мату-уушка – бааарыыня... .

СВЕЧИН. Невыносимо! Всё утро слышу крик этой девки, наказанной вами. Невыносимо!

ВАРВАРА. (Мягко) Мой дорогой, её наказали ещё вчера.

СВЕЧИН. Да. Но я слышу и не могу привыкнуть.

ВАРВАРА. Не придавайте значения. Ежели вас раздражает такой пустяк, что же будет с вами в серьёзном случае?

СВЕЧИН. А серьёзный случай – это, когда топят в пруду с камнем на шее? Или ваше благородство годится только для московских гостиных?

ВАРВАРА. (Сдержанно) Да вы сами на неё негодовали. Что она околачивается у вас перед глазами целыми днями в настиранном сарафане и, ковыряя пальцем в носу, строит вам глазки.

СВЕЧИН. (Брезгливо) Ну, что вы говорите?

ВАРВАРА. Ежели не наказать, вас перестанут любить, над вами станут втихомолку потешаться. Это не мною придумано. И я ведь вначале предложила ей выбрать между дурными привычками и работой в поле... Не били же её! Просто я велела вернуть её в деревню. Но, если это вас огорчает, я верну её обратно сюда. Вы этого хотите?

Свечин пожимает плечами.

ВАРВАРА. Кроме блистательных царей минувших времён, есть подлинные нынешние времена. Неурожаи, молоко и пшеница, деньги и зависть, зависимые от нас люди и иллюзия собственной независимости.

СВЕЧИН. Вам только дай пофилософствовать!

ВАРВАРА. Смешно, когда вы идёте по скотному двору, затыкая нос кружевным платочком!

СВЕЧИН. Так вонь!

ВАРВАРА. Смешно, когда на поклон всякой деревенской бабы, вы покорно сгибаете свою холёную шею! Или плачете, глядя грязные головы холопских детей! Можно подумать, что скорби всего человечества сосредоточились в вас одном! Рабство, холопство, варварство – не моя сфера, но я твёрдо знаю; лишать людей их привычного уклада – преступление.

СВЕЧИН. Если рабство и тирания – привычный уклад, это – дурная привычка.

ВАРВАРА. (Повышает тон) Все ваши возлюбленные истины – плоды невежества и незнания реальной жизни! Никакого тиранства в России нет. Оно придёт вместе с кровью!

СВЕЧИН. Я буду жить своим умом, ежели вы не возражаете.

ВАРВАРА. Не для России ваши фантазии! Кто вы? Куда направляетесь? Чего вы желаете?

СВЕЧИН. Я хочу добра. Да, свободы, равенства и братства.

ВАРВАРА. (Смеётся) Когда делают зло, всегда говорят, что хотят добра! Свобода, равенство, братство... А понравится ли вам такая картина? Вы наконец свободны. И от имения, и от московского дома, от всех тысяч годовых, от отца... Ибо батюшка ваш будет болтаться в петле. От кофия в кровать по утрам. От лицезрения московских красот, ибо по мостовым потечёт кровь, трактиры разграбят, мужики загадят дворцовые покои, по кремлёвским стенам развешат грязное бельё вперемешку с покойниками, вашими же приятелями по Парижу. Соразмеряйте с отечеством свой пыл! Смотрите, не разбудите Пугача!

Тихонько входит Апполинария с мухоловкой и начинает бить мух.

ВАРВАРА. (С раздражением, на повышенных тонах) Тётенька, что вы делаете?

АППОЛИНАРИЯ. Кисея на окнах такая тоненькая! Мухи пробиваются. Да поглядите, какие жирные, сизые!

ВАРВАРА. Подите, тётенька, мы заняты!

АППОЛИНАРИЯ. Но мухи, мухи... Жужжат, мешают. Их надо немедленно поубивать!

ВАРВАРА. Тётенька, после!

АППОЛИНАРИЯ. Что ж откладывать? Досаждают ведь! Откладывать, так их станет тьма, и не справишься с ними! И всё вы взаперти! А на дворе пахнет свежим молоком, мятой... (Выходит)

ВАРВАРА. Не забывайте, что мы замешены на меду и гречихе! В отличие от французов, которые в свою очередь, замешены на чём-то другом, пусть наипрекраснейшем, но другом... Не верьте в золотые сны про свободу, равенство и братство!

СВЕЧИН. Во Франции мужиков не бьют. Это запрещено.

ВАРВАРА. А у нас без этого нельзя! Встречаются такие рожи, что покуда не ударишь, он и понять тебя не может. Да это же не рабы! Это мои люди, мои! Я выросла среди них, я вхожу в людскую – мне всё знакомо. Мы ходим по грибы, по ягоды. Семья! Это там, во Франции, каждый сам по себе, а мы вместе спокон веку! Всё моё кругом! Тысячи лет, тысячи лет... И всегда одним было хорошо, а другим – плохо. Это не зависит от устройства государства, а только от нас самих!

СВЕЧИН. Всё окружающее меня в России вызывает ужас и боль. Нельзя остановить! Кони понесли!

ВАРВАРА. У вас нет ни в чём сомнений! Для вас не существует ничего, кроме ваших убеждений!

СВЕЧИН. Всё равно... Время само...

ВАРВАРА. Иногда мне кажется, что я вовсе не люблю вас, а вы – моё проклятие! Мы стремительно движемся к гибели чувств и

разлуке! Но ведь нет ничего страшней этого!

СВЕЧИН. Простите, мне надо одеться. (Выходит)

АППОЛИНАРИЯ. (Входит) Самовар, самовар... (Оглядывается) А где же?

ВАРВАРА. Мой избранник опять не будет завтракать со мной.

АППОЛИНАРИЯ. Царица... царица...

ВАРВАРА. Сколько страсти и боли! В моих фантазиях он выглядел другим... Стало быть, придётся покинуть моё Губино и перебираться в дом Свечина, в Москву...

АППОЛИНАРИЯ. Ах, ах, ах... Служи, Варвара, их прихотям, но предпочтение отдавай своим собственным!

ВАРВАРА. (Смеётся) Нет, крепость не пала! Она просто впустила меня в себя. Я в ней гостя. Или пленница? Разве об этом я мечтала?

АППОЛИНАРИЯ. Ах, ах, легко ли возвыситься, стоя на коленях?

ВАРВАРА. Ничего, ничего, тётенька, может быть и я приснюсь ему однажды! И ему захочется в тот март, к Чистым прудам! И горло его пересохнет от жажды меня увидеть!

АППОЛИНАРИЯ. Ах, ах, есть ли снадобья?

ВАРВАРА. Как устала я мериться с ним силами! С каждым днём у меня их всё меньше и меньше. Противника покоряют из ненависти к нему и из любви к себе, а моя же война из любви к нему и не могу я причинить ему боли. Жизнь замужняя не сладка, тётенька!

АППОЛИНАРИЯ. Ах, ах, неужели и с этим мужем разойдёшься?

ВАРВАРА. (Внимательно глядит на Апполинару и после большой паузы) А и впрямь, не избавить ли мне Свечина от необходимости меня ненавидеть?

СВЕЧИН. (Входит, уже в тёмном фраке, выдавшем виды и в кремовом жабо) Я прогуляюсь.

ВАРВАРА. Прекрасно! Я с вами.

СВЕЧИН. Я хочу один. Позвольте мне!

ВАРВАРА. Вы похожи на большого обиженного ребёнка!

Апполинария выходит.

ВАРВАРА. Мир! Мир! Молодость пройдёт быстро! Мир! Мир! Мой дорогой, у меня должно быть много детей! Мальчиков и девочек! Барышень и стройных глазастых молодцов! В наших детях совместятся ваши страсти и моё благоразумие. (Обнимает его, снимает со своей головы веночек и надевает на его голову) Мир! Мир! Праздник! Вот уже несколько месяцев, как мы с вами с ожесточением решаем мировые проблемы. Неужели ради этого Провидение привело вас в мои объятия?

СВЕЧИН. Не стоит начинать сначала! (Снимает с головы веночек и отбрасывает) Пойду прогуляюсь!

Часть вторая.

Картина третья.

Прошло семь лет.

Август. Губино. Господский дом. Вокруг берёзы. Вдали – опушка леса.

Варвара в светло-голубом, в широкополой шляпе, и Апполинария под кружевным зонтиком прогуливаются по аллее.

АППОЛИНАРИЯ. (Очень тревожно) Я должна с тобой поговорить серьёзно... Ты беспечна, Варвара, ты неблагоразумна, ты забываешь, у тебя дочь!

ВАРВАРА. О чём вы, тётя?

АППОЛИНАРИЯ. Бонапарт шествует по России. Расстояние до Губина сокращается.

ВАРВАРА. (Задумчиво, рассеянно озираясь по сторонам) Бонапарт шагает по августовской России... Император Александр нервничает в Петербурге... Мой сосед бьёт по щекам старосту, распорядившегося высечь мужиков перед лицом гибели отечества...

АППОЛИНАРИЯ. Если Бонапарт будет идти так, то через три, от силы, через четыре недели, достигнет порога нашего дома. Не забывай, Варвара, у тебя маленькая дочь! Ей жить надобно! А после твоего развода, ты одна ей защита. Свечин-то твой далеко, в Москве!

ВАРВАРА. Не попрекай! Меня не любили. Но дочь у меня от того, кого я любила по повелению свыше.

АППОЛИНАРИЯ. Ты рвалась сюда, в своё Губино! И теперь ты здесь одна супротив Бонапарта! Что ты намерена предпринять? Что будешь делать? Он же идёт на нас! И дойдёт!

ВАРВАРА. Что ж, будем уповать на стены и пространства.

АППОЛИНАРИЯ. Очнись, Варвара! Дочь у тебя, помни же, дочь!

ВАРВАРА. Не надо мрачных пророчеств, тётя! Судьбе было угодно доверить наше спасение императору Александру. Будем молиться, тётя, чтобы он оказался на высоте! (Задумывается) Бонапарт сулит мужикам волю. Они уже открыто говорят об этом.

АППОЛИНАРИЯ. Может быть, в Москву? Не погонит же нас твой Свечин? Неужели и Москву отдадут?

ВАРВАРА. Ну что ты, тётя?! Никогда Кутузов не отдаст Москвы! Костями лягут!

АППОЛИНАРИЯ. Но отступаем же, всё отступаем!.. И нам, Варвара, надо бежать от француза!... Кто защитит нас? На кого надежда? Да ты слушаешь ли меня, Варя?!

ВАРВАРА. У моей приятельницы под Витебском, едва она уехала, всё понесли из дома! Её же люди! Всем миром! Ложки, вилки, зеркала, кресла, фарфор, фраки...

АППОЛИНАРИЯ. А фраки-то зачем?

ВАРВАРА. А потом пришли французы. В пустом прекрасном ампирном доме нагадили по углам и пошли дальше!

АППОЛИНАРИЯ. (Крестится) Господи, а нагадили-то зачем?

ВАРВАРА. Война, тётя... (Задумчиво оглядывается) Сея огонь и смерть...

АППОЛИНАРИЯ. (Шепотом) Мужики убивают своих господ и везут французам продовольствие. Кланяются французам до земли, а те им говорят; вы теперь свободны и вся земля в России ваша. Что ты всё озираешься-то, Варвара? (Сама оглядывается по сторонам)

ВАРВАРА. Смотрю. Не была тут лет семь... Воспоминания, воспоминания...

АППОЛИНАРИЯ. А помнишь, как генерал мчался к тебе сквозь метель и тьму?

ВАРВАРА. Бубенцы... Тому уж лет восемь... Где теперь мой генерал? Бежит от Бонапарта вместе со своим хвалёным воинством? Бонапарт – гений войны и политики. Что может против него мой храбрый генерал? Нелепа наша жизнь, нелепа и невеликодушна. За всё, за всё надо платить! А где взять?

АППОЛИНАРИЯ. А генерал не на войне, Варвара! Генерал здесь, по соседству, у себя, в Липеньках!

Варвара замирает и с изумлением глядит на Апполинарую.

АППОЛИНАРИЯ. Вернулся на деревянной ноге. (Шепотом, оглянувшись по сторонам) Савва видал, как он шёл сюда, в Губино. Мы ещё не приехали, а он шёл сюда... Хромал и опирался на палку, весь в крови и поту... Но шёл и дошёл...

ВАРВАРА. (Голос дрогнул) Мой ещё не очень старый зверь с деревянной ногой... Да полно, тётенька, Савва-пьяница совсем, он наговорит, мало ли чего ему примерещится... (Оглядывается по сторонам)

АППОЛИНАРИЯ. А ещё Савва говорит, что Опочинин собирается дать обед в честь Бонапарта.

ВАРВАРА. (Вскидывается) Неправда! Мой генерал никогда не станет изменником...

АППОЛИНАРИЯ. По всему уезду ползут слухи...

ВАРВАРА. (Перебивает) Вот что, тётенька, полно вздор-то молоть! Подите-ка в дом да будите Лизаньку... Хватит ей спать... Уже закат, у ней голова разболится...

АППОЛИНАРИЯ. Пойди и ты... Лизанька проснётся и станет звать тебя: "Мама, мама..."

ВАРВАРА. (Оглядываясь на внезапный шум в кустах) Поди, поди, не спорь, я сейчас...

АППОЛИНАРИЯ. (Тоже оглядывается) Что там? Вроде, кто-то мелькнул... Пойдём в дом... Савва видел – французский развезд маячил на лесной опушке...

ВАРВАРА. (Пытаясь скрыть волнение) Не придумывай, тётенька... Так... зверь какой-нибудь... Поди же к Лизаньке, говорю!

Провожает глазами Апполинарую, убеждается, что та, действительно ушла и, глядя прямо перед собой, громко и отчётливо произносит: "Нашёлся мой генерал!"

ОПОЧИНИН. (Опираясь на палку, выступает из-за куста, пошатнулся и оперся на дерево, глядит на Варвару, дрогнувшим голосом) А куда б ему деться?

Варвара резко поворачивается. Долго глядит на него, смеётся, потом решительно подходит к нему, всматривается в его лицо.

ВАРВАРА. Чего не бывает в сражениях? (Целует его в лоб)

ОПОЧИНИН. Как видите, обошлось, если не считать вот этого... (Хлопает себя по деревянной ноге)

ВАРВАРА. У вас пальцы трясутся...

ОПОЧИНИН. Это старость. И пенять не на кого. Один, один на белом

свете, если не считать... хотя и считать-то незачем... вздорный счёт, пустая память...

ВАРВАРА. Отчего же вы не спросите, как сложилась моя жизнь?

ОПОЧИНИН. Меня это не интересует... Я люблю вас при всех обстоятельствах. (Достаёт флягу с настойкой, делает глоток) Валерьянкой пахнет... Моя песня спета. А жить хочется, и пальцы продолжают дрожать. Вся армия унижена... Вы были правы, насмехаясь над святынями идиотов в разрисованных мундирах. Вот я и вышел в отставку, награждённый деревянной ногой. Полюбуйтесь! (постукивает себя по ноге) Вот я и вернулся. Но уж коли брошена перчатка, и все бегут, я подыму её!

ВАРВАРА. Что же вы приготавливаете, храбрый генерал?.. По уезду ползут слухи о каком-то вашем безумном предприятии. Об званом обеде в честь узурпатора.

ОПОЧИНИН. Это ли не благородство - приветить великого учителя? Таких обедов не знала Россия! И лучшая музыка, лучшие блюда, и все последние сорок бутылок "Клико" с привкусом их собственной обезумевшей страны...

ВАРВАРА. Никогда не поверю, что вы жаждете похвал Бонапарта за разварную стерлядь!

ОПОЧИНИН. Тсс... тсс... Один неловкий шаг, не вовремя сказанное слово - и всё, всё пойдёт насмарку. Гибель зла - разве она не есть спасение добра? Я сам и всё, что есть в Липеньках, отныне должно служить этой идее.

ВАРВАРА. С врагом шутки плохи, миленький генерал! Вы сочли, что ваша жизнь никому не нужна? Что я - только ваше прошлое? Знайте же, вы мне стали ещё дороже, когда отвергли всякий несусветный вздор, всякие там союзы, которыми я старалась покорить вас.

ОПОЧИНИН. С гордостью отверг. А зачем? И спросить не у кого. Как я наказан за то, что усомнился в справедливости предложенного вами союза. Зачем не отверг я этот призрачный силуэт вашего московского мучителя? Я тогда добрался до Липенек лишь под утро. И сразу отправился в полк. Но служба потускнела, а ваш образ... Я был бессилён забыть ваш январский возглас "Нашёлся мой генерал!" Да и кому мы нужны, не умеющие плакать от горя, кричать от боли, стонать в унижении. Как быстро постарел, как неожиданно. Прозреваю. Надо было взять вас на руки тогда и унести!

ВАРВАРА. А куда? (Смеётся) На поле брани? В казармы? Надеюсь, вы успели убедиться, что жизнь прекраснее самой блистательной победы! Не говоря уж о поражениях. Вдали от собственного дома победы выглядят преступлениями.

ОПОЧИНИН. Я был как все. Вы - мой судья. Вы - самая прекрасная из всех, расчётливая, сдержанная, требующая, влекущая. И лишь с вами я кроток и глуп.

ВАРВАРА. В день, когда пришло известие об убийстве императора Павла загадочная судьба заставила меня кинуться на шею в сущности первому встречному. Тогда, на Чистых прудах, после рокового поцелуя, он исчез бесследно, не объявив ни имени своего, ни звания. Шло время, а страсть моя и боль не утихали. Я пренебрегла самолюбием и ежедневно толкалась у Чистых прудов с рассвета до сумерок. Я не теряла надежды. Я отвергла случайность и уверовала во вмешательство высших сил. Моё горячее

воображение распалось, рисуя его самыми неправдоподобными красками. Бог простит! Видно, судьба и впрямь руководила мною. Но, когда б мне знать, как она может быть коварна. Когда мы наконец добиваемся, чего желали, то убеждаемся, что это далеко не то, что мы желали. А теперь, что мне журавли в небе? Пусть гордые! Пусть блистательные! Что теперь вы мне ответите, мой генерал?

ОПОЧИНИН. Это не тема для разговора. Чтоб отставной генерал пристроился приживалкой!

ВАРВАРА. Мы с вами, словно два корабля, медленно расходящиеся в житейском море. Зачем? Зачем? Зачем? Это же нелепо!

ОПОЧИНИН. Уж ежели о двух ногах я был не для вас, то зачем я вам теперь?

ВАРВАРА. (Строго) Я поняла, что вы простили меня и не осуждаете?

ОПОЧИНИН. (Кричит) Когда я вас осуждал?

ВАРВАРА. Вы только что говорили, что любите меня. Что же такое с вами?

ОПОЧИНИН. Ах, Варвара Степановна, имея деревянную ногу, нелегко сохранить бравый генеральский вид, перед той, кого любишь. Но, имея деревянную ногу, можно превозмочь в себе слабость влюблённого, и свои былые порывы, и возвыситься над собою же, не продаваясь за снисхождение. Ещё нашёл бы я силы обнять вас и ходить за вами следом, хромая, стуча деревяшкой и палкой и вглядываться в ваши огромные глаза, ища в них сочувствия, жалости, милосердия. Но я задушу в себе это холопство!

ВАРВАРА. Вы и в этот раз предаёте меня, мой храбрый генерал?

ОПОЧИНИН. Что все наши страсти и боли, в сравнении с кровавой прогулкой, затеянной Бонапартом?

АППОЛИНАРИЯ. (Внезапно возникает) Варвара, куда запропастилась?

Лизанька... (Опочинину) Бравый генерал! Где же ваше воинство?

Стоило им остаться без вас, как, как они тотчас же и побежали от француза?

ВАРВАРА. Подите, тётенька, я сейчас...

ОПОЧИНИН. Мне пора!

АППОЛИНАРИЯ. Куда же? Пешком? Сквозь лес? Наши люди видали тут французский разъезд! Я сейчас же велю Савве...

ОПОЧИНИН. Ничего, я дойду...

АППОЛИНАРИЯ. Бравый генерал! Дождались! Представьте, генерал, одна Варварина подруга... московская... Вы её не знаете... дождалась человека, которого любила! Некий кавалергард... лишившийся тоже ноги... а, может быть, руки...неважно... Она обвенчалась с ним! Мы с Варварой присутствовали на их свадьбе! Правда, Варвара...

ВАРВАРА. Подите, тётенька!

АППОЛИНАРИЯ. (Поспешно заканчивает) Было весьма торжественно и сердечно! (Исчезает)

ОПОЧИНИН. Мне пора... (Пауза) Это возмездие за чужие огороды настигло нас среди наших пашен. Война... война... Я знаю, что это такое... Гигантская волна, которая и меня несла когда-то по чужим холмам и виноградникам... Неумолимая волна... (Пауза) Сея огонь и смерть... сея огонь и смерть...

ВАРВАРА. Мы ещё вернёмся к этому разговору. Ведь в этот раз вы не отправитесь в полк? Молю Бога, чтоб он уберёт вас!

ОПОЧИНИН. Молите Господа, чтоб он дал мне сил исполнить задуманное.

Картина четвёртая.

Темнота. Только Опочинин в начищенном мундире, в сияющих эполетах, в свежайшем шейном платке и при орденах.

ОПОЧИНИН. Дорога на Липеньки открыта, господа! Всё, что есть в этом доме, для вас. Музыка, свет, слова, ароматы, стенания и проклятия, и восторженные славословия, и молитвы благодарности, и лицемерие Страшного Суда – вот-вот сольётся в единую страстную бурю!.. Может быть, я подымаю руку на высшие силы, замахваюсь на само провидение...

Едва-едва высвечивается подножие и часть лестницы на антресоли. Самой антресоли пока не видно, а лестница представляется очень высокой, уходящий прямо в небо из-за того, что видна только часть её. На лестницу по очереди будут вступать крепостные музыканты с инструментами в руках. Одеты они хоть все и по-разному, но одежда только крестьянская, довольно убогая. Волосы стрижены под горшок. Сейчас музыканты кажутся едва различимой группой, но по мере того, как Опочинин станет поочерёдно обращаться к каждому из них, те, к кому он обратился, выслушав его и отыграв несколько тактов на своём инструменте как бы в подтверждение слов Опочинина, станут подниматься на антресоли. И тут мы должны увидеть ненадолго, но очень отчётливо каждого из музыкантов. Говорят, что собаки похожи на своих хозяев. Так каждый музыкант здесь должен быть похож на свой инструмент.

ОПОЧИНИН. (Всей группе музыкантов) Вам надлежит выразить всю мою боль, моё восхищение, ужас и гордость по случаю пребывания в моём доме гениев войны! (Обращается к двум самым юным музыкантам) Два шалюмо! Были найдены мною в доме, разрушенном нашей артиллерией. Бесхитростные, как голоса неведомых птиц... (Мальчики играют на шалюмо) Ухо, привыкшее к грохоту побоища, должно насторожиться, душа обмякнуть... О, шалюмо, ты божество моё! (Жестом отправляет детей на антресоли, третьему музыканту) Охотничий рог! Гордая дичь платила и платит кровью за наслаждение этой музыкой! (Четвёртому) Барабан! Гороховая дробь знаменует начало... атаки... либо казни... либо счастливой пляски! (Пятому) Литавры! Звучат редко да метко. Особенно в апофеозе. (Шестому) Флейта-пикколо! Она превращает нас, тёплых, ленивых, сентиментальных, в аккуратные шеренги безумных чертей, марширующих на железных ногах к ранней гибели, к напрасной славе, к поздним сожалениям. (Седьмому) Полная флейта! О, это совсем иное дело! Глас её – в мучительное раскаяние! (Восьмому) Гобой! Вскрик пронзает сердце счастливой болью. (Девятому) Фагот! Он-то знает, что всё завершается. Империи гибнут, благородные порывы угасают, ослепительные надежды превращаются в

фарс, великие замыслы в кучу навоза... От царей остаются гробницы... Победителей ждёт возмездие.

Пусть гении побед, восседающие за моим столом, услышат этот звук, и пусть бледность покроет их закаленные лица. (Десятому) Кларнет! Одинокий кларнет предназначается для похорон.

Все музыканты поднялись наверх и стали невидимыми в сумерках, где антресоли. Кажется, что они ушли в само небытие.

ОПОЧИНИН. Дорога на Липеньки открыта! Куда же вас занесло, гении войны? Нам всем уготовано блаженство в чёрном августовском небе. Посуда выставлена. Хрусталь играет. Простые радости жизни. Ливрейные холопы замерли вокруг стола. В чёрных фраках, словно окаменели... К подвигу готовы!

Вспыхивает множество свечей и освещает овальный стол с двенадцатью стульями. Изморозь крахмальной скатерти и сияние хрусталя. И на антресоли – оркестранты, рассаженные красиво и дисциплинированно, все в пудренных париках и цветных камзолах.

ОПОЧИНИН. Кушайте гении войны, учителя мои! Гречневая каша! Зерно к зерну! Мягкие горячие, переполненные соком и паром, вобравшие в себя ароматы лугового июльского полднего зноя... Скоро, скоро мы все отправимся по одной дороге, в молчании, без чинов, без воспоминаний, впережку... Бонапарт и мои холопы, мои музыканты с их инструментами и я, ровным шагом, больше никогда не уставая... Перед каждым гостем маленький сувенир от меня лично на долгую память, на дальнюю дорогу – кiset с калужской землицей... На этом краю, спиной к окнам – я. На противоположном – император Бонапарт. Его лицо освещено заходящим августовским солнцем. Здесь – Мюрат, неаполитанский король... Маршал Макдональд, маршал Удино, маршал Ней, маршал Мортье, Вандамм, Лонбрен, Бесьер, Бертье... Господа! (Берёт бокал) Позвольте мне среди моих пенат восславить ваш военный гений! Ваше величество! Господа! Войны будут всегда!.. Пустой бокал мелко дрожит в руке. Пальцы трясутся... Отчего словно какая-то дымка? А... слёзы... Слёзы прощания! Мне предстоит дальняя дорога... Я уже готов взлететь в чёрное, августовское... Ну что? Будто бы всё идёт хорошо! Император слегка посоловел. Откинулся на высокую спинку стула. Его большие карие глаза теряются в сумерках. Помертвевшие от сытости и славы лица. Все мы, поблескивая орденами, вот-вот замаршируем по небесным просторам!.. Весь дом пропах валерьяновым корнем и ещё какой-то чертовщиной! Всё для меня, для меня, для меня! Для покоя, для успокоения, утешения и утешения, чтобы пламя мимо бочонка не пронёс, чтоб себя не пожалел в последнюю минутку... и всё тогда исчезнет. И моя одинокая жизнь, и поздняя совесть, и Варварины преступные глаза, и всё, всё... (Задирает голову к антресолям) Эй там, в поднебесье! Музыка!!!

Торжественная "Жимолость" Холборна заполняет всё вокруг.

ОПОЧИНИН. Как колеблется стол... Где мой бокал? (Жестом останавливает музыкантов) Ваше сиятельство! Господа! Наша жизнь, господа, короче честолюбивых надежд, и поэтому, мы забываем о возмездии. Но на узком пространстве меж Богом и Дьяволом успевают отпечататься следы наших сапог, и конских копыт, и орудийных колёс, и крови. Что же дальше? Дальше-то что? Я никогда не спрашивал себя, топча чужие огороды, а что же дальше? Простите, бокал выпал из моих пальцев. В общем, я всё сказал. Бокал разбит! Простите, у меня разболелась голова. Я удалюсь ненадолго. А гостям покуда подадут десерт. Я тотчас же вернусь, господа, только приму валерьяновой настойки. И мы выпьем ещё с вами на посошек. На посошек! Остальное – дело несложное... Фитиль к бочонку и всё... Верю в загробную жизнь, но это вовсе не означает, что она меня привлекает... Не забыть в завещании всем вольную!

Одинокий гобой пронзает тишину. Затем душераздирающие голоса кларнетов и тяжёлые глухие удары большого барабана. Литавры и тьма. И во тьме, словно светлая душа – некое облачко – взмывает вверх и странно высокий голос Варвары парит и кружит возле этой взмывающей души: " Нашёлся мой генерал! Нашёлся мой генерал! Праздник! Праздник!"

Часть третья.
Картина пятая.

Прошло два месяца.

Московский дом Свечина. Здесь хаос. Вместо стекол в окнах куски картона. Мебели нет. Только солома, на ней лежит Свечин, укрытый попоной, и ломберный столик, на котором бутылка вина, бокалы, кусок хлеба, кружка с водой и чашка с бульоном. На полу стопками уложены книги. Возле Свечина на соломе сидит Луиза, одетая затрапезно. Лёгкий тон, в котором она говорит, противоречит её убогому наряду.

ЛУИЗА. ...Французская армия пришла в Москву. Москва в развалинах. Москва горит. Москва пустынна. Врач велел мне говорить не умолкая. Но, Бог мой, я больше не знаю, что говорить... Я – француженка... (Кладёт руку Свечину на лоб и всхлипывает) Лоб влажен, но уже не так горяч. Надо говорить... А что говорить? Я люблю Россию.

А теперь – война. Пришли мои соотечественники... В мою Россию пришли мои соотечественники... (Осторожно окликает) Милостивый государь!

СВЕЧИН. (Подымает голову, лихорадочно) Кто вы? Что происходит?

ЛУИЗА. Вы пришли в сознание! Наконец-то! (Жалобно) Я была в ужасе...

СВЕЧИН. (Слабо.) Кто вы?

ЛУИЗА. Я около вас уже неделю. Я была в ужасе.

СВЕЧИН. (Энергичнее.) Кто вы?

ЛУИЗА. Мне удалось найти врача и привести к вам..

СВЕЧИН. Что происходит?

ЛУИЗА. Вы всё время бредили.

СВЕЧИН. Бредил?

ЛУИЗА. Всё порывались бежать к Чистым прудам! Всё твердили про какой-то март, про смерть императора Павла.

СВЕЧИН. Напугал вас?

ЛУИЗА. Всё повторяли... про какой-то... поцелуй...

СВЕЧИН. Чистые пруды? Март... Мне надо туда... (Резко садится.)

ЛУИЗА. Вам нужен полный покой. Так велел доктор. Я поила вас чаем с малиной. А сейчас дам бульон. Доктор сказал, чтобы я не молчала, всё время говорила с вами. А, когда очнётесь, дать вам бульон. (Подает ему чашку с бульоном.)

СВЕЧИН. Спасибо.

ЛУИЗА. Вам не за что меня благодарить. Я страдала от одиночества и страха. Я была в отчаянье. Я искала место безопасное от пожара. И нечаянно зашла в ваш дом. И увидела вас. Вы лежали на пороге и бредили. И я поняла, что моё место возле вас.

СВЕЧИН. Разрешите представиться. Свечин. (Садится, отбрасывает попону, на нём клетчатая жилетка, шея укутана несвежим шарфом)

ЛУИЗА. Луиза Бигар.

СВЕЧИН. Француженка?

ЛУИЗА. Мне стыдно, что я - француженка.

СВЕЧИН. (Внезапно перебивает её и вскакивает) Я иду на Чистые пруды! Она - там... Она - там... Сейчас там март!

ЛУИЗА. Сейчас повсюду сентябрь.

СВЕЧИН. Сейчас - март! Чистые пруды! Вы помните наш поцелуй?

ЛУИЗА. Какой поцелуй?

СВЕЧИН. Когда убили императора Павла и все радовались, и целовались. Я иду туда!

ЛУИЗА. (С плачем удерживает его) Вы мечетесь в жару! Это кризис! Вы ничего не знаете! Вам нельзя никуда идти! Французы в Москве! О, Боже, я бессильна остановить его!

СВЕЧИН. (Резко.) Кто вы? Оставьте меня! Пустите! (Внезапно падает) Мне надо к Чистым прудам! (Пытается подняться.) Пустите! Пустите меня на Чистые пруды!

ЛУИЗА. (Укладывает его на солому) Слава Богу, снова заснул!... (Целует его в лоб) Если бы ты знал, как ты мне дорог! О, если бы не было этого отвратительного нашествия!

Свечин неожиданно и быстро обнимает её, целует в губы.

ЛУИЗА. (Вскрикивает.) Милостивый государь!

Свечин снова опрокидывается на солому и тут же засыпает.

ЛУИЗА. (Растерянно.) Снова уснул... (Тихо смеётся.) Больному всё можно и всё прощается... (Печально.) О, какое наслаждение - прикосновение его горячих губ! Какое яркое зарево! Пламя так стремительно продвигается по деревянным улицам! Спасёт ли нас этот каменный дом? Если всё вокруг будет в огне? Пора обмыть и перевязать рану. (Приносит тазик с водой, задирает брючину на его ноге, отшатывается, потом берёт себя в руки и по-детски, дрожащим голосом уговаривает себя, храбрится изо всех сил) Рана совсем уже не страшная... И крови я больше не боюсь! (Обмывает

рану, заново перевязывает)

СВЕЧИН. (Конкретно) Я видел Бонапарта!

ЛУИЗА. О, господи! Снова он бредит!

СВЕЧИН. (Садится в постели) Я шёл дворами по Арбату. И вдруг с диким криком кинулся мне навстречу пьяный мужик и ударил по ноге ржавой острогой. Так я был унижен своим же пьяным соотечественником. Я не помню, как дополз до дома. У порога я упал. Крови вытекло с полведра не меньше. И тут, словно в тумане, я увидел конногвардейцев. Они медленно двигались по Арбату. А впереди – человек в сером сюртуке... Это был Бонапарт. По Арбату ехал Наполеон! Вот я и думаю – а не застрелиться ли мне?... Кто вы?

ЛУИЗА. Луиза Бигар... Певичка.

СВЕЧИН. (Брезгливо) Француженка?

ЛУИЗА. Это мой император. Я не раз восхищалась его победами. Я француженка. Простите меня за всё это!

СВЕЧИН. Закройте окно! Запах гари такой вязкий и мучительный.

ЛУИЗА. Всё пропиталось им. Москва гибнет! Не хотите ли воды?

СВЕЧИН. Из ваших рук? (Весело смеётся)

ЛУИЗА. Я прошу вас лечь и заснуть.

СВЕЧИН. Судьба... (Берёт её за руку) Мы бессильны перед судьбой. Что скажете на это?

ЛУИЗА. (Отнимает руку и отходит) Спите! Это какое-то безумие! Этот запах гари. Огонь надвигается. Может быть, мы вообще одни остались на всём белом свете!

СВЕЧИН. Не спится. Светло как днём. Пожар пылает с большим рвением. Если бы я не боялся выглядеть ненатурально, то упал бы к вашим ногам. (Встаёт, делает шаг к Луизе и едва не падает)

ЛУИЗА. (Подхватывает его и удерживает) Вы сошли с ума!

СВЕЧИН. Не пугайтесь! (Обнимает Лизу и целует в лицо) Мы бессильны против судьбы!

ЛУИЗА. Вы ведёте себя неблагородно!

СВЕЧИН. Вы – Венера! Только явились не из пены, а из пепла!

ЛУИЗА. Я явилась из преисподней! О, какие мытарства я пережила! Грабежи, кругом разбойники... Как хорошо, что мы нашли друг друга! А теперь – спите! (Укладывает его) Вы ослабели и бредите!

СВЕЧИН. (Брюзгливо) Какого чёрта?! Кто вы?

ЛУИЗА. (Сквозь слёзы) Француженка...

СВЕЧИН. Ваш император – безумец! Паршивый корсиканец! Его надо убить! А убили императора Павла, в марте... Я иду на Чистые пруды! На Чистые пруды!

ЛУИЗА. О, господи, я не могу вас отпустить туда!

СВЕЧИН. Прочь от меня!

Луиза плачет.

СВЕЧИН. (Осознанно) Москва сторела. Сентябрь. Нет марта. Нет императора Павла. Нет Чистых прудов. Ничего у меня больше нет.

ЛУИЗА. Чем кончится эта кровавая история? Неужели нам отныне не суждено больше заниматься обычными делами?

СВЕЧИН. Простите!

ЛУИЗА. На вас лица нет!

СВЕЧИН. Мне не по себе.

ЛУИЗА. (Внезапно кричит) Дождь! Посмотрите, послушайте, это же дождь! Первый дождь за время этих ужасов! Всё сильнее и сильнее!

Дождь, господин Свечин, дождь!

Мы спасены!

СВЕЧИН. Слишком поздно. Уже нечего спасать. Не Москва разрушена, а вся наша жизнь.

ЛУИЗА. Судьба не даст нам погибнуть!

СВЕЧИН. Какого чёрта вы ко мне явились?

ЛУИЗА. (Испуганно) Ваша дверь была не заперта. Я подумала – дом пуст. Вошла и нашла вас у порога в беспамятстве.

СВЕЧИН. Вы – не фантазия? Мне надо на Чистые пруды!

ЛУИЗА. Вы снова бредите! Бедный мой, ещё не всё потеряно! Есть любовь, есть воспоминания о лучших днях... Я спою вам лучшую из своих песен!

Напеваёт ему сквозь слёзы легкомысленную французскую песенку.

(Склоняется над ним) Господин Свечин! Спит... Какое сильное лицо! Какой брезгливый рот! Несчастлива женщина, отдавшая ему сердце!

СВЕЧИН. (Отчетливо) Луиза Бигар... Француженка... Вас пугает этот разрушенный мир?

ЛУИЗА. Спите, спите... (Берёт свечу и на цыпочках идёт прочь от Свечина)

СВЕЧИН. (Резко) Куда вы?

ЛУИЗА. Там... портрет дамы. Хочу рассмотреть.

СВЕЧИН. Дамы? (Смеётся)

ЛУИЗА. Вы улыбаетесь!

СВЕЧИН. Портрет?

ЛУИЗА. Дамы с большими синими глазами!

СВЕЧИН. Ах, дамы... с глазами... Вы смогли разглядеть её в темноте?

ЛУИЗА. Я была со свечой.

СВЕЧИН. Ах, со свечой! Дайте мне вина!

Луиза наливает ему немного вина в бокал и подаёт.

СВЕЧИН. (Отпивает) При свете одной свечи она выглядит загадочно, не правда ли? (Поднимается и со свечой и бокалом, сильно хромая, идёт)

ЛУИЗА. Вам ещё нельзя вставать!

Свечин задирает голову к антресолям. Трепещет там, наверху золотая шаль и зазвучала та же мелодия, что звучала тогда, когда Варвара сидела у него на коленях.

СВЕЧИН. (Высоко подымает свою свечу) При свете двух свечей это уже владелица семисот душ. (Зажигает ещё свечи) При свете множества свечей, милостивая государыня, вы можете заметить смешение французской моды, губернского самомнения, уездного здравомыслия и деревенского здоровья. (Отпивает вина) И у меня и у неё всё в прошлом. (Мелодия обрывается. Он поникает головой.)

ЛУИЗА. (С тайной обидой) Она разглядывает нас с бесцеремонностью. Я чувствую себя униженной.

СВЕЧИН. Как вы по-женски её разглядываете! Вы сравниваете себя с ней, как это принято у женщин?

ЛУИЗА. Эта женщина с богатым воображением, но не склонная к мелким фантазиям. Её никогда не заботило, что думают о ней. А лишь то, что она сама думает о других. (Грозит пальцем, туда

вверх, антресолям) Вы выбрали её? (Рассмеялась) Но почему? СВЕЧИН. Вот такая вот загадочная история. Здесь эта дама пока благополучна. Ещё не знает, что предстоит впереди. (Возвращается к своему ложу, наливает себе ещё вина)

ЛУИЗА. (В спину ему) Вы её любите?

ПАУЗА.

СВЕЧИН. (Равнодушно) Выпейте вина, и вам не захочется придавать значение мелочам.

ЛУИЗА. (Подходит) Вы её любите?

СВЕЧИН. Эх, вы, француженка! Женщина на развалинах мира.

ЛУИЗА. Вы думаете, если я француженка, то понять вас – недоступно для меня?! Я привязалась всем сердцем и душой к этой несчастной стране... Мне больно...

СВЕЧИН. (Ложится) Всё временно, всё переменчиво... Одному человеку не под силу осуществить мировую катастрофу. Всё течёт себе помаленьку...

ЛУИЗА. Забавно! Всё течёт помаленьку... И мы простые жертвы этой вечной реки? Не-ет... Что-то происходит сейчас с вами и со мной... наперекор всему...

СВЕЧИН. Ничего не происходит. Всё уже произошло. Сядьте.

Луиза садится возле него. Свечин приобнимает её.

СВЕЧИН. Почему вы вся дрожите?

Луиза внезапно утыкается в его грудь головой и рыдает.

СВЕЧИН. (Гладит её по волосам) Ну-ну, будем пить до утра, а там, что Бог пошлёт.

Налейте вина! Выпьем!

Луиза встаёт и, всхлипывая, наливает вина в два бокала.

ЛУИЗА. (Подает Свечину бокал) Неужели вы любите её?

(Всхлипывает)

СВЕЧИН. Москва слезам не верит.

ЛУИЗА. Это бессердечно!

СВЕЧИН. Что же тут бессердечного? Что значат горести отдельных людей среди всеобщих страданий? Впрочем, плачьте сколько угодно! Только, есть ли в этом толк? Посмотрите на меня! Я лишился всего. Я остался в Москве, чтобы вести дневники, но даже летописец из меня не получился. Теперь буду поддерживать свой дух вином!

ЛУИЗА. Эта дама на портрете – ваша жена?

СВЕЧИН. (Смеётся) Русские жёны дородны и немного испуганны. Эта дама... так, фантазия живописца. С первым же снегом французы покинут Москву. Великая драма завершится. Вам следует сделать выбор.

ЛУИЗА. Я выбрала. Останусь в России.

СВЕЧИН. Вы – француженка, Луиза! Россия стала кладбищем. Кроме того, здесь долго будут ненавидеть всё, что связано с вашей Родиной.

ЛУИЗА. (Смеётся) Ваши пророчества меня не пугают! Я люблю Россию! И когда-нибудь я явлюсь перед вами в белом платье из батиста, в тёмном бархатном спенсере, в розовой шляпке со страусовым пером... И тогда я смогу соперничать с этой дамой на портрете!

СВЕЧИН. Подите к окну!

ЛУИЗА. Зачем?

СВЕЧИН. К окну!

Луиза пожимает плечами и подходит к окну.

СВЕЧИН. Взгляните! Обгорелые развалины! Там – ад! И, кстати, не пытайтесь приручить меня, тут вы бессильны. Собирайтесь во Францию, Луиза! Вы мне больше не нужны!

ЛУИЗА. Что ж... Я не дама с большими синими глазами... Я – французская певичка... У меня иная роль. Лежите здесь, пейте и страдайте от одиночества. (Стремительно уходит)

Свечин берёт книгу, раскрывает, смеётся и отбрасывает. Берёт свечу и медленно подымается на второй этаж. Останавливается перед портретом.

СВЕЧИН. Чем же я не угодил тебе? Да, ты была права. Мой гений, мой кумир обманул меня. И я сам способствовал этому. Но я был подвергнут обману на время и теперь спохватился. Ты думаешь, слишком поздно спохватился? Москва сторела, и я бессилён. Великая драма завершилась. Жизнь моя искажена... Почему ты выбрала меня? Природа создала тебя, чтобы посмеяться над нашими обыденными слабостями. (Спускается вниз.)

Портрет исчезает во мраке.

Наверху, словно призрак, возникает оркестр. И Луиза в белом поёт что-то легкомысленное и игриво-опереточное. Она заканчивает, и к ней летят цветы и слышны крики – "Браво! Браво!" Луиза быстро накидывает шубку и с цветами в руках, бежит вниз, к Свечину. Резко останавливается перед ним и замирает. Свечин подымает свечу и изумлённо разглядывает её.

ЛУИЗА. (Торжествующе) Сам Бонапарт аплодировал мне!

СВЕЧИН. А, это вы...

ЛУИЗА. Теперь или никогда!

СВЕЧИН. Но вы уверяли, что предоставите меня самому себе.

ЛУИЗА. Вы – совершенство! Но совершенство для иного мира, не этого, утопающего в крови и пепле! Мне страшно подумать, что вы в полном одиночестве. Я хочу заботиться о вас, прислуживать вам.

СВЕЧИН. Дорогая! Одиночество для меня привлекательнее, чем присутствие малознакомой француженки.

ЛУИЗА. Вам это кажется.

Свечин делает полужест, словно бы указывает ей на дверь.

ЛУИЗА. (Поспешно) Я люблю вас!

СВЕЧИН. (Спокойно и презрительно) Вы сошли с ума! Что между нами общего?

ЛУИЗА. Скажите, пожалуйста, что общего! Как мне хочется ударить вас, унижить, оскорбить, заставить отшатнуться, чтобы свеча вывалилась из ваших рук и всё загорелось! Эта солома, портрет этой дамы, ваши дурацкие книги... У меня есть кое-что, и поэтому между нами может быть что-то общее, если вас ещё хоть чуть-чуть интересуют женщины!

СВЕЧИН. (Замахивается, но не бьёт и отвечает спокойно) Не интересуют.

ЛУИЗА. (Падает ему в ноги, целует руки) Мой дорогой! Мне ничего от вас не нужно! Разве я похожа на женщину, которая собирается стать русской барыней? Поверьте, я бескорыстна, как луговая ромашка!

СВЕЧИН. (Бесстрастно) Так что же вы хотите?

ЛУИЗА. (распростерта на полу) Французская армия покидает Москву.

Вид солдат и офицеров ужасен. Вслед им свистит и улюлюкает вся Европа. Мои соотечественники, мои братья в грязных мундирах, рваных сапогах, ослепленные собственным кумиром! Всё кончилось... Зачем, зачем, зачем моя злосчастная судьба столкнула меня с вами? Разве мало мне горя? Зачем? Зачем?

СВЕЧИН. (Склоняется над ней) Послушайте! (Задыхаясь) Мне хочется разбить себе голову о стену, потому что я всё потерял... Я всё потерял... я ничего не могу...

Луиза рыдает и хватается за него, целует его в лицо.

СВЕЧИН. Да погодите же с вашим французским вздором!

ЛУИЗА. Я люблю вас!

СВЕЧИН. Ничего вы не понимаете! Всё равно, что потерять руку, а плакать об утрате перчатки... стремиться сохранить перчатку.. Ах, моя перчатка... Да? Вы меня поняли? Поняли?

ЛУИЗА. Я люблю вас!

СВЕЧИН. Ничего воротить невозможно! Никакие мечты! Покидайте Россию навсегда! Вы поняли?

ЛУИЗА. Да, разумеется.

СВЕЧИН. Что? Что вы можете понять?

ЛУИЗА. Женщина с большими глазами – не фантазия живописца. И в вашем горьком сердце для меня не может быть местечка! Я покидаю Россию навсегда.

Картина шестая.

Прошло чуть более полугода.

Всё то же. Варвара и Апполинаруя в дорожных платьях.

ВАРВАРА. В этом доме я готовилась к свадьбе. Мне тогда казалось, что я достигла самых больших высот... А теперь дом необитаем...

АППОЛИНАРИЯ. Дом почти цел. Хотя стекол нет. И повсюду груды хлама.

ВАРВАРА. Здесь он ожидал встречи со своим кумиром...

АППОЛИНАРИЯ. Ай-яй-яй, как пусто! И гостиная пуста. Охапки гнилой соломы. Господи, господи, господи, он спал на соломе? Никаких следов жизни! Ай-яй-яй, какой густой слой пыли! (Машинально пучком соломы принимается вытирать пыль.) Скорей, скорей, долой пыль...

ВАРВАРА. Бог, диктующий нам наши поступки, всегда ли справедлив и великодушен? (Совсем с другой интонацией.) Фарфоровый кофейник! Носик отбит! Старый неразговорчивый приятель из счастливых времён... Смерть и разрушение! О, как мы мчались по разбитой дороге в Москву! Как гнали! А сожжённая Москва, словно кладбище с одинокими фигурками, отыскивающими своё прошлое.

АППОЛИНАРИЯ. Скажу тебе, Варя – нельзя возвращаться по старым следам, получишь по физиономии.

ВАРВАРА. О чём вы, тётенька? Любовь моя перегорела ещё до московского пожара!

АППОЛИНАРИЯ. Зачем же помчались сюда, едва только французы ушли? Мчались мимо трупов людей и лошадей, брошенных пушек и перевёрнутых экипажей? Зачем? Ах, Варвара...

ВАРВАРА. Тётенька, он – старый мой друг, он – отец моей девочки. Он лишился своего кумира... Дочь – единственное, что осталось у него на всём свете. Как он сейчас смотрел на Лизаньку. У меня

сердце задрожало! Я стала зоркой к чужим бедам, потому что сама нуждаюсь в спасении.

АППОЛИНАРИЯ. Мчались! И на ночлег не останавливались! Будто движение по дороге может вернуть утраченное! Отчего ты ушла от него? Ведь как любила! Атаманша, предводительница! И обольстить умеешь, и раны перевязать, и француза поддеть на вилы! А главной своей крепости взять не смогла!

ВАРВАРА. Глупости, тётенька! Я прозрела и теперь понимаю... Не был Свечин моей главной крепостью! Судьбой предназначалась мне другая победа – победа над собой.

Покорение целых стран и народов, эта кровавая игра – всё это ничто, лёгкая прогулка рядом с великими тяготами моей войны с самой собою.

АППОЛИНАРИЯ. Жалеешь ли ты нынче, что бросилась в водоворот, закрыв глаза и распахнув душу?

ВАРВАРА. Кто знал тогда, что предстоит нам в скором будущем? (Осматривается, задирает голову и вскрикивает) Мой портрет! Уцелел? Слово... насмешка над прошлым... Свечин заказал этот портрет вскоре после нашей свадьбы. Тогда я думала, что жизнь будет неизменна, такая, какую я её задумала... Что ж, пусть остаётся в этом доме разрушаться.

СВЕЧИН. (Подходит.) Лизонька уснула в экипаже. Экипаж ждёт вас возле дома. (Пауза) Вы столь стремительно возникли и столь же стремительно покидаете Москву. Почему?

ВАРВАРА. В деревне много дел.

СВЕЧИН. Вы привезли Лизу, чтоб, по своему обыкновению, спасти меня?

ВАРВАРА. Я привезла Лизу, чтобы дать ей возможность повидаться с отцом.

СВЕЧИН. (Не сразу) Спасибо. Я желал... я желал... этого...

(Большая пауза) Наш с вами общий дом, где мы прожили так мало... Теперь он разрушен. (Голос дрогнул) Простите... Нахлынули воспоминания. Я... я... желал увидеть вас... Я... надеюсь... что не окончательно потерял ваше расположение... Что нынче вы думаете... о прошлом?

ВАРВАРА. Воспоминания о собственной молодости ожесточают меня.

СВЕЧИН. Вы всё та же... Хотя, в глазах у вас появилось некое смятение. Вам всегда не хватало самоиронии.

ВАРВАРА. Думать о себе насмешливо? Но это унижает!

СВЕЧИН. Вы всегда обольщались на свой счёт.

ВАРВАРА. А на чей же обольщаться? Я себя люблю! Я горжусь собою! Хватит и того, что вы, которого я любила, платили мне равнодушием и неприязнью! Я стояла большего! Да, я стояла большего, когда мой губинский дом сверкал в пламени! И мужики, совсем ополоумевшие, с вилами в руках, ждали, когда я выползу из горящего дома. Но я вышла, – по пистолету в каждой руке, – и они расступились. “Вы хуже французов, – сказала я спокойно, – Погодите, прогоним неприятеля – учиню вам спрос.” Они молчали. Дочка шагала рядом, ухватившись за полу моей шубы.

АППОЛИНАРИЯ. Ужас, ужас... Мужики, огонь, Варенька с пистолетами, маленькая Лиза... Я тогда ободрала себе все ногти, запрягая коней в экипаж. А Варя, будто судья, повторяла всё ледяным голосом: “Чтоб ни одной слезы!” Царица... царица! Так и

не опускала пистолетов, пока мы не уселись в экипаж. А Лизочка всё глядела на огонь, пока пожарище не скрылось за горкой. И тут Варя выронила пистолеты. И уж я тёрла, тёрла её щёки снегом, уж причитала...

ВАРВАРА. Да, я стоила большего, когда с пистолетами в руках возникла на пылающем пороге! Я стоила большего, когда зажмурившись от отчаянья и тоски, повела своих мужиков на колонну французских солдат, и мы отбили у них пленных! Я, их атаманша, с потускневшей короной на голове... И ваши маленькие пронзительные глаза жгли меня! Ваше презрение! За что? Мало ли, что вертелось в голове и слетало с языка у двадцатилетней дуры, прикованной к вам?!

АППОЛИНАРИЯ. Ах, ах, ах... (Обходит вокруг Свечина.)

Постарели... постарели...

ВАРВАРА. Довольно, тётянька, подите, подите в экипаж, к Лизаньке...

АППОЛИНАРИЯ. Ах, ах, затворничество и одиночество не красят!

ВАРВАРА. Тётянька, подите! Не до вас!

Апполинария отходит.

СВЕЧИН. (Горько) Мы словно обречены на вечный поединок. Смешно! Спасибо, что привезли дочь!

ВАРВАРА. Я хотела дать ей возможность повидаться с вами. Видимо, я виновата, что девочка столько лет...

АППОЛИНАРИЯ. (Суётся к ним) Отца своего совсем не знает!словно сиротка! Невозможно загладить вину, но хотя бы чтобы отец по головке погладил!

ВАРВАРА. (Грозно.) Подите, тётянька! Лизанька проснётся и напугается! Ждите в экипаже!

Апполинария уходит.

СВЕЧИН. Я всё думаю, всё думаю о нашем странном нервном кратковременном союзе.

ВАРВАРА. (Иронично) Удалось ли вам установить, как повлияли древние тирании на нынешнюю катастрофу?

СВЕЧИН. (Засмеялся.) Мне удалось установить, что вы были правы. Мы и народ – одно целое.

ВАРВАРА. (Без ожесточения.) А я теперь уж ни в чём не уверена. Когда пришли французы, мои люди пытались сжечь живьём меня и нашу дочь. Чем вы это объясните?

СВЕЧИН. (Мягко) Вашим фамильным пристрастием топить в пруду с камнем на шее.

ВАРВАРА. А как вспомню, как сошлись мои мужички врукопашную с французскими конвоирами и отбили наших пленных... Я ли их тогда привела на место их гибели и победы, они ли повлекли меня за собою? Воистину, равенство, Саша! Горе общее, кровь общая! Кто виноват? Я пытаюсь отыскать виновных, но их имена и облики неуловимы. Мои мужики, пожелавшие сжечь дом с живыми людьми? Бонапарт, обещавший спасение от рабства? Или я сама, не

приученная к состраданию? Или генерал Опочинин, вознамерившийся в одиночку победить Бонапарта и застреленный в собственной усадьбе французскими драгунами? Смерть и разрушение... Я бы спросила кого-нибудь из уцелевших воителей, так ли он представлял себе счастливый и окончательный мир, когда с оружием в руках топал по военной дороге, мечтая о победе и славе?

СВЕЧИН. Очень странно, но всю войну меня более всего мучило, что я никак не мог вспомнить вас на мартовском снегу у Чистых прудов.

ВАРВАРА. Нашли о чём вспоминать!

СВЕЧИН. Тогда, в марте, на Чистых прудах, когда вы целовали меня, я лихорадочно думал и мечтал придумать и выкрикнуть нечто такое, волшебное, способное пригвоздить вас к московской мостовой... Но существуют ли такие слова? Слов не было.

ВАРВАРА. Какая глупость - вспоминать сейчас тот мартовский поцелуй! В общем-то, банальный случай! Любая бы на моём месте, да в мои-то годы, да не склонная к ханжеству, не смогла бы устоять перед таким соблазном. И уж обвилась бы вокруг непременно! Что я и сделала!

СВЕЧИН. Так что же это было? Озорство, вожделение, каприз? Или, и правда, глубокие предчувствия?

ВАРВАРА. Не знаю. Видимо, и то, и другое... Иначе зачем бы я устремилась к вам?

СВЕЧИН. А я до сих пор ощущаю ожог того мистического поцелуя. (Засмеялся невесело.) Ежели поистине он был мистическим. Грош цена моей независимости. Всё же приходится мне маршировать под дудку этого самого, презираемого мной Провидения!

ВАРВАРА. Все мои иллюзии рухнули!

СВЕЧИН. Зачем же вы кинулись ко мне?

ВАРВАРА. Я думала, что российская катастрофа и все испытания соединят нас. И мы, обнявшись, поплачем на московском пепелище.

СВЕЧИН. Я не верил в провидение, но всё же мы сошлись по внушению свыше. И это подымает нас в собственных глазах. Как быстро прошла жизнь! И мне... мне кажется, что... мне не обойтись без вас... Хотя горечь и досада сопровождают нас постоянно.

ВАРВАРА. Ах, как быстро прошла жизнь! Я никогда не любила вас!

СВЕЧИН. (Очень горько) Видимо, ваша фантазия, с помощью которой вы меня сочинили, оказалась значительно талантливее оригинала.

АППОЛИНАРИЯ. (Появляется.) Варенька! Лизанька зовёт! Мы уезжаем или... может быть, останемся пока?

ВАРВАРА. Мы едем сейчас же, тётенька! (Свечину) Прощайте! Не поминайте лихом!

СВЕЧИН. Я провожу вас до экипажа.

Эпилог.

Прошло ещё пятнадцать лет.

Мирная гостиная в Губино. Уютно, стабильно, давно обжито. Занавеси на высоких окнах. Кресла. Диван, на нём разбросаны подушки. Зеркало. Возле зеркала, Варвара. На ней знакомая нам, золотистая шаль, теперь уже старенькая.

ВАРВАРА. Неужто это я? Дама с поблекшими чертами? В природе увядание. В душе тоже. За окнами – осень, унылые губинские пейзажи. Четверть века пронеслось с того поцелуя. Шутка ли? Всё вокруг тут моё. Всё знакомо, а счастья нет.

Едва слышно доносится звон бубенчиков. Варвара прислушивается, встряхивает головой, словно отгоняя навязчивое печальное воспоминание. Бубенчики смолкают.

ВАРВАРА. Тётенька! Тётенька!

АППОЛИНАРИЯ. (Очень старая, но всё такая же живая, поспешно входит) Бегу, бегу, моя царица!

ВАРВАРА. Вроде бубенчики звенели? Или почудилось?

АППОЛИНАРИЯ. (Не сразу.) Звенели.

ВАРВАРА. А откуда им быть? Приезжал кто?

АППОЛИНАРИЯ. (Не сразу.) Почта.

ВАРВАРА. Почта? С чем к нам? (Сердится.) Да что я из тебя вытягиваю?

АППОЛИНАРИЯ. (Тревожась.) Письмо тебе.

ВАРВАРА. Письмо? От кого?

АППОЛИНАРИЯ. От твоего.

ВАРВАРА. От Свечина?! Дай сюда!

АППОЛИНАРИЯ. (Не даёт конверта, прячет за спину) Может, зовёт тебя?

ВАРВАРА. (Смеётся.) Свечин? Мой мартовский искуситель? Свечин, тётенька, нынче парит высоко. В Петербурге, учитель в доме великого князя... Женат на графине Безобразовой, молодой и богатой петербургской красотке. Что ему теперь воспоминания двадцатилетней давности? Он теперь недосыпаем!

АППОЛИНАРИЯ. Что ж ты вся затрепетала, как тогда?

ВАРВАРА. Какой трепет тётенька? Давно всё позабыто!

АППОЛИНАРИЯ. Какой конверт-то важный!

ВАРВАРА. Дай же! Глупая ты какая, тётенька!

АППОЛИНАРИЯ. Ах, если бы поманил, вот так... (Показывает пальцем, как именно.) Всё бы бросила...

ВАРВАРА. Куда мне, тётенька? (Отнимает конверт)

АППОЛИНАРИЯ. Ты-то всё та же! Атаманша!

ВАРВАРА. (Нервно рвёт конверт) Проигравшая атаманша. Одни мы с тобой, тётенька, среди бескрайних российских пространств. С рабами наедине. А? Не я это решала. Не мне и менять. Ничего, ничего, тётенька! Два заряженных пистолета затаились в ореховом ящичке. (Читает письмо и вскрикивает)

АППОЛИНАРИЯ. Что? Что в письме, Варенька, не томи!

ВАРВАРА. (Подымает голову от письма, подходит к Апполинару и обнимает её) Умер государь.

АППОЛИНАРИЯ. (Перекрестилась.) Царствие ему небесное!.. Отчего

вдруг умер?

ВАРВАРА. (Опускает письмо, отходит от Апполинаруи) Умер государь, осиливший самого Бонапарта! Положивший конец батальным упражнениям стран и народов. Странно, что именно варварская Россия умиротворила просвещённую Европу! Умер император Александр. Мой ровесник. Не пора ли подводить собственные итоги, тётенька?

АППОЛИНАРИЯ. Да отчего умер-то? И сам ли умер?

ВАРВАРА. (Смотрит в письмо.) Государь скончался в Таганроге от простуды. Но поговаривают, что от тоски.

АППОЛИНАРИЯ. Что же ему было тосковать? И как окружение его не заметило, что государь тоскует? Не предотвратили? Отчего ему тосковать?

ВАРВАРА. (Глядя в письмо.) Свечин пишет, – ходили слухи, что государь подумывает об освобождении крестьян.

АППОЛИНАРИЯ. (Ахает от ужаса) Бунт!

ВАРВАРА. Не бунт, а наконец-то освобождение по воле государя, тётенька!

АППОЛИНАРИЯ. Страшно!

ВАРВАРА. Чего пугаться, тётенька? Не их освободят, а нас!

Наконец-то не надо будет опекать эту армию холопов! Пусть сами добывают себе хлеб! Наконец-то я освобожусь от них, от ответственности, от хлопот!

АППОЛИНАРИЯ. Что ещё пишет Саша?

ВАРВАРА. (Читает.) Ваш портрет я извлек из московских руин и привёз в Петербург. Теперь он украшает мой кабинет. И, надеюсь, переживёт меня! Хотелось бы, чтоб вы видели во мне своего друга. Александр Свечин.

ПАУЗА.

АППОЛИНАРИЯ. (Горько.) Не позвал!

ВАРВАРА. (Отходит к окну.) Осень стремительна. Деревья оголяются мгновенно. Вчера ещё были кое-какие листочки, а сегодня упал последний лист. И оголилась дорога на Липеньки. (Хватается за оконную раму и кричит не своим голосом тоненько и пронзительно.) Нашёлся мой генерал! (Указывает дрожащей рукой на окно.)

Тётенька, тётенька! (Всматривается сама.) Молодой и круглолицый! Идёт упрямо, с трудом переставляя деревянную ногу ко мне в Губино!

АППОЛИНАРИЯ. (Семенит к ней.) Варенька, Варенька, Бог с тобой!

ВАРВАРА. (Делает движение, словно её тошнит.) Да вот же идёт в тумане мой хромой генерал! (Теряет сознание и падает.)

Апполинурия хлопочет и суетится вокруг неё, без лишних охов, деловито: кропит водой из графина, тянет к дивану, взгромождает на диван, обдувает, обмахивает чёрной бумагой. Сама подходит к окну, всматривается и... кричит.

ВАРВАРА. (От её голоса очнулась.) Мой генерал? Мой генерал!

(Сориентировалась) Что? Что это было? Что же это было, тётенька? Предостережение? Какой-то горький знак?

АППОЛИНАРИЯ. Ты-то упала, Варенька, а они всё подходят!

ВАРВАРА. Кто подходит, тётенька? Кто же, тётенька? Кто же?

АППОЛИНАРИЯ. Вот, нюхательную соль возьми!

ВАРВАРА. Да кто же, тётенька, подходит?

АППОЛИНАРИЯ. Да хромой генерал, Варенька! Опочинин!

ВАРВАРА. Тётенька, бестолковая ты стала от старости! Совсем запуталась! Опочинина французы застрелили ещё в двенадцатом годе! (Легко встаёт и подходит к окну.) Губинские пейзажи... облетевшая листва... Тут вся моя жизнь! Почему ты решила, что это был он, тётенька?

АППОЛИНАРИЯ. Ты сама кричала, Варенька! Сама по имени его называла!

ВАРВАРА. Значит, врешь мне? И не стыдно?

АППОЛИНАРИЯ. Не вру! Нынче не видала... Тебя поволокла. А третьего дня видала! Храбрый генерал всё ходит вокруг нашего дома, всё ходит...

ВАРВАРА. (Хватается за сердце.) Ступай прочь, тётенька!

Апполинария хочет уйти.

ВАРВАРА. Погодите, тётенька! Он и впрямь вышел из-за деревьев, прихрамывая на своей деревяшке... На нём был белый долгополый сюртук, без погон... Седая, непокрытая голова склонена не по-генеральски... Он смотрел на меня без боли, без ожесточения...

Тётенька, ты-то чего трясёшься? Небось, не к тебе шёл, а ко мне!

АППОЛИНАРИЯ. Чего ему ходить-то? Лежал бы себе! Не разгадать мне ваших шашней!

ВАРВАРА. Дура ты всё-таки, тётенька! Поди, поди отсюда!

Апполинария уходит.

ВАРВАРА. (Одна у зеркала.) Какие пустые глаза! Старуха! Я не виновата, мой генерал! Всё произошло по воле Божьей!

КОНЕЦ.